

Фёдор Михайлович Достоевский

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

Инсценировка Андрея Курейчика

Действующие лица:

1. Фёдор Павлович Карамазов
2. Дмитрий Фёдорович Карамазов
3. Иван Фёдорович Карамазов
4. Алексей Фёдорович Карамазов
5. Смердяков
6. Катерина Ивановна
7. Грушенька
8. Феня
9. Старец Зосима
10. Госпожа Хохлакова
11. Лиза, её дочь
12. 1-ый пан
13. 2-ой пан
14. Пётр Алексеевич Миусов
15. Следователь
16. Капитан Исправник
17. Девки и музыкаты
18. Судья

АКТ I.

Сцена 1.

Следователь сидит за большим канцелярским столом. На экране полиция осматривает место убийства: труп фотографируют, обводят мелом. Улики описывают: разорванный конверт для Грушеньки, медный пестик и т.д.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так... Дело номер 696\447, об убийстве помещика города Скотопригоньевска Фёдора Павловича Карамазова, известного содержателя питейных заведений, владельца земель и иного недвижимого имущества, а также 120 тысяч денежного капитала.

Убийство это было совершено с особой жестокостью, посредством проломления головы жертвы от неоднократных ударов тяжёлым предметом в ночь на 17 сентября и было сопровождено ограблением. Осмотр места преступления показал, что преступник, перед тем как скрыться, забрал из конверту 3000 рублей ассигнациями, которые, как явствует из надписи, собственноручно совершённой указанным помещиком на конверте, Карамазов приготавливал для некоей Грушеньки (Аграфены Светловой). Свидетелей убийства нет. Однако же в то же время в саду дома Карамазова сын убитого -- Дмитрий Фёдорович Карамазов, пытаясь скрыться, и будучи в состоянии высшей степени буйства совершил нападение и нанёс тяжкие побои слуге убитого Григорию Коробкову, едва не проломив тому голову трёхфунтовым медным пестиком, который и бросил тут же. Из чего и делается вывод, что и Фёдора Павловича Карамазова зная тоже убил он.

Ага...

Выдержки из дела: Фёдор Павлович Карамазов дважды был женат, и обе жены его умерли, оставив ему на попечение троих сыновей – старшего Дмитрия, Ивана и младшего Алексея, а кроме того капитал, который и стал причиной смертельного конфликта.

По показаниям свидетелей, знавших его коротко, Фёдор Павлович имел характер скверный, подлый, мстительный. Жизнь вёл разгульную и срамную. И говорили про всю семью их, про Карамазовых – «Сладострастники».

КАПИТАЛ ИСПРАВНИК. Господин отставной поручик Дмитрий Карамазов, я должен вам объявить, что вы обвиняетесь в убийстве отца вашего, Фёдора Павловича Карамазова. Извольте проследовать за мной...

Сцена 2.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Проходите, уважаемый. Прошу вас. Вы уж, простите, что вас в таком состоянии пришлось поднять с постели... Но вы должны понять, дело чрезвычайное, запутанное... По всем признакам дело об отцеубийстве... Каиново, так сказать, дело.

ЗОСИМА. Ох, было у меня предчувствие, что не закончится всё добром... Жаль...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кого жаль, Фёдор Павловича?

ЗОСИМА. И Фёдор Павловича тоже, хоть был дурной, распутный человек, а всё-таки жаль. Всякого убиенного жаль... Но пуще жаль детей его... Всех...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Троих?

ЗОСИМА. Всех.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот о детях-то и речь... Я слышал, вы стали свидетелем нелицеприятной сцены в скиту, как раз между Фёдор Павловичем и Дмитрием... Очень хотелось бы узнать подробности...

Скит. Пётр Александрович Миусов, Фёдор Павлович, Алёша, Иван и старец Зосима.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Ровнёшенько настоящий час, а сына моего Дмитрия Фёдоровича всё ещё нет. Извиняюсь за него, священный старец! Сам же я всегда аккуратен, минута в минуту, помня, что точность есть вежливость королей...

ПЁТР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Но ведь вы по крайней мере не король...

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Да, это так, не король. Ваше преподобие! Вы видите перед собою шута, шута воистину! Так и рекомендуюсь. Но зато я в бога верую. Вот только в последнее время усомнился. Я, ваше преподобие, как философ Дидерот. Известно ли вам, святейший старец, как Дидерот явился к митрополиту Платону при императрице Екатерине. Входит и прямо сразу: «Нет бога». На что великий святитель подымает перст и отвечает: «Рече безумец в сердце своём несть бог!» Тот как был, так и в ноги: «Верую, кричит, и крещение принимаю». Так его и окрестили тут же. Княгиня Дашкова – восприемницей, а Потёмкин крёстным отцом...

ПЁТР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Фёдор Павлович, это несносно! Ведь вы сами знаете, что вы врёте и что этот глупый анекдот неправда! К чему вы ломаетесь?

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Всю жизнь предчувствовал, что неправда!

ПЁТР АЛЕКСАНДРОВИЧ. (*Старцу*). Простите меня... Быть может, я тоже кажусь участником в этой недостойной шутке.

СТАРЕЦ ЗОСИМА. Не беспокойтесь, прошу вас.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Великий старец, изреките, оскорбляю я вас моею живостью или нет?

СТАРЕЦ ЗОСИМА. Убедительно и вас прошу не беспокоиться и не стесняться. А главное, не стыдитесь столь самого себя, ибо от всего лишь всё и выходит.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Вы меня сейчас замечанием вашим, как бы насквозь прочкнули и внутри прочли. Именно мне всё так и кажется, когда я к людям вхожу, что я подлее всех и что меня все за шута принимают, так вот «давай же я и в самом деле сыграю шута. Не боюсь ваших мнений, потому что все вы до единого подлее меня!» Учитель! (Бросается в ноги). Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

СТАРЕЦ ЗОСИМА. Сами давно знаете: не предавайтесь пьянству и сладострастию, да закройте ваши питейные дома. А главное – не лгите.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. То есть это про Дидерота, что ли?

СТАРЕЦ ЗОСИМА. Самому себе не лгите. Да встаньте же, сядьте, прошу вас очень, ведь всё это тоже ложные жесты...

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Блаженный человек! Дайте ручку поцеловать! (Входит МИТЯ. ФЁДОР ПАВЛОВИЧ встаёт и возвращается на место.)

МИТЯ. Простите великодушно за то, что заставил столько ждать.

СТАРЕЦ ЗОСИМА. Не беспокойтесь. Ничего, несколько замешкались, не беда.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Божественный и святейший старец! Вот сын мой, Дмитрий Фёдорович – против него у вас управы ищу. Рассудите и спасите! Нуждаемся не только в молитвах, но и пророчествах ваших!

МИТЯ. Недостойная комедия, которую я предчувствовал, ещё идя сюда! Простите преподобный отец, но вас обманули. Вы были слишком добры, позволив нам у вас съехаться. Батюшке нужен лишь скандал, для чего – это уж его расчет. У него всегда свой расчёт. Но, кажется, я теперь знаю для чего...

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Обвиняют меня все, все они! Вот и Пётр Александрович обвиняет. Обвиняли, Пётр Александрович, обвиняли! В том, что я деньги детские за сапог спрятал. Но позвольте, разве не существует суда? Там всё сочтут, Дмитрий Фёдорович, по самым же распискам вашим, сколько у вас было, сколько вы истребили и сколько у вас остаётся! Ведь город трещит и гремит от его кутежей! Святейший отец,

верите ли: влюбил в себя благороднейшую из девиц – Катерину Ивановну, хорошего дома, с состоянием, дочь прежнего начальника своего, скомпрометировал девушку предложением руки, а он на глазах её к здешней обольстительнице ходит!

МИТЯ. Молчать! Ложь всё это! Снаружи правда – внутри ложь! Господа, свидетели, простите гнев мой. Я пришёл с тем, чтобы простить. Если б он протянул мне руку, простить и прощения просить. Но я предчувствовал, что этот коварный старик созвал вас всех на скандал...

ПЁТР АЛЕКСАНДРОВИЧ. В происшедшем мы все виноваты. Отец ревнует сына к скверного поведения женщине и сам с этою же тварью сговаривается засадить сына в тюрьму... И вот в такой-то компании меня принудили сюда явиться...

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Дмитрий Фёдорович! Если бы вы только не мой сын, я в ту же минуту вызвал вас на дуэль! На пистолетах, с трёх шагов, через платок!

МИТЯ. Зачем живёт такой человек!

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Слышите ли, слышите ли вы, монахи, отцеубийцу! А эта «тварь», эта «скверного поведения женщина», может быть святее вас самих, господа спасающиеся монахи! Вы здесь на капусте спасаетесь и думаете, что праведники! Пескариков кушаете, в день по пескарику, и думаете пескариками бога купить!

Вдруг, СТАРЕЦ ЗОСИМА встал, подошёл к МИТЕ, стал на колени и поклонился в самые ноги.

СТАРЕЦ ЗОСИМА. Простите! Простите все!

СТАРЕЦ ЗОСИМА уходит.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Это что же он в ноги-то? Это эмблема какая-нибудь? (Выбегает).

ПЁТР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Я за сумасшедший дом и за сумасшедших не отвечаю. (Уходит).

СЛЕДОВАТЕЛЬ. М-да, гаденький эпизодик-то. А всё денежки. На кону-то сумма немаленькая... Так вот, всё указывает, что убийца не кто иной, как Дмитрий Фёдорович. Что же это вы так посмотрели на меня?

ЗОСИМА. Не может такого быть...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вам откуда знать?

ЗОСИМА. А я и не знаю. Господь знает. Я верю...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. На чём же ваша вера основывается?

ЗОСИМА. На том, что добро в каждом человеке неизбежно побеждает. А в дурных людях вернее всего.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Если б так, то у меня и работы никакой не было. А так видите – труп-с.

Сцена 3.

МИТЯ ждёт АЛЁШУ.

МИТЯ. Хорошо, что ты сам оглянулся, а то я чуть было тебе не крикнул. Иди сюда, быстро! Садись! Во всём свете... по-настоящему... по-на-сто-яще-му... (вникни! вникни!) люблю только одного тебя. Тебя, да ещё одну «подлую», в которую влюбился да с тем и пропал. Но влюбиться не значит любить. Влюбиться можно и ненавидя. Куда шёл?

АЛЁША. Шёл к отцу, а сначала хотел зайти к Катерине Ивановне.

МИТЯ. К ней и к отцу! Ух! Совпадение!

АЛЁША. Неужто ты хотел меня послать?

МИТЯ. К отцу, а потом и к ней, к Катерине Ивановне, да тем и покончить и с ней, и с отцом. Послать ангела...

АЛЁША. Хорошо.

МИТЯ. «Насекомым – сладострастье!» Слышал ты такое? Я, брат, это самое насекомое и есть. И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живёт и в крови твоей бури родит. Любил разврат, любил и срам разврата. Любил жестокость: разве я не клоп, не злое насекомое? Сказано – Карамазов! Эх... Красота – это страшная и ужасная вещь! Перенести я не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, кто с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил! Покраснел?

АЛЁША. Я не за твои дела покраснел, а за то, что я то же самое, что и ты.

МИТЯ. Ты-то? Ну хватил...

АЛЁША. Нет, не далеко. Всё одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты наверху. То ступил на нижнюю ступеньку, тот всё равно вступит и на верхнюю.

МИТЯ. Стало быть, совсем не вступать?

АЛЁША. Кому можно – совсем не вступать.

МИТЯ. А тебе можно?

АЛЁША. Кажется, нет.

МИТЯ. Тебе первому сейчас расскажу, конечно, Ивана исключая. Иван всё знает. Раньше тебя давно знает. Но Иван – могила.

АЛЁША. Иван – могила?

МИТЯ. Да. Я когда в батальоне служил, узнал случайно, что у подполковник мой казённые деньги в рост дал купчишке одному, да и прогорел. Вот и вышла тогда моя первая шутка, встречаю старшую дочь его, Агафью Ивановну, с которой в то время дружбу хранил, и говорю: «А ведь у папаши казённых-то денег четырёх тысяч пятьсот рублей нет». Испугалась ужасно: «Как нет? Недавно генерал был, все на лицо были». «Тогда были, а теперь нет. Не беспокойтесь, говорю, никому не скажу. А вот когда потребуют у папаши четыре-то тысячки пятьсот, а у него не окажется, так чем под суд-то, пришлите мне тогда лучше институтку вашу, сестру младшую, Катерину Ивановну, секретно... Я ей четыре тысячки и отвалю». «Ах, какой вы, говорит, подлец! (Так и сказала). Какой вы злой, говорит, подлец!» Вдруг приезжает новый майор батальон принимать. Полковник – стреляться, в последний момент остановили. И в тот же день она пришла.

АЛЁША. Катерина Ивановна.

МИТЯ. Она самая. Видал ты её? Ведь красавица. Да не тем она красива тогда была. А тем, что она благородная, а я подлец. Что она в величии своего великодушия и жертвы за отца. А я – клоп! И вот от меня, клопа и подлеца, она вся зависит, вся, вся кругом – и душой и телом. Ничего не сказал, деньги отдал... Она вся вздрогнула, побледнела, ну как скатерть, и вдруг мягко так, глубоко, тихо, склонилась вся – и прямо мне в ноги -- лбом до земли. Не по-институтски, по-русски!

АЛЁША. Постой, Дмитрий, ты скажи мне: ведь ты жених ей теперь?

МИТЯ. Эх... Жених... А ты знаешь, что Иван влюбился в неё? Что ты смотришь на меня? Ну да, влюблён и теперь. Разве она может, сравнив нас обоих, любить такого, как я?

АЛЁША. А я уверен, что она любит такого, как ты.

МИТЯ. Она свою добродетель любит, а не меня. Скажи ей, что я больше не приду никогда. Приказал, дескать, кланяться.

АЛЁША. Да разве это возможно?

МИТЯ. Невозможно, оттого тебя и посылаю.

АЛЁША. А сам куда?

МИТЯ. В переулочек...

АЛЁША. Это к Грушеньке?

МИТЯ. Грянула гроза, ударила чума, заразился и заражён доселе. А тогда вдруг, как нарочно у меня в кармане, у нищего, очутились три тысячи. Те самые, что Катерина Ивановна поручила мне сестре накануне отправить. А я тогда зажал. Сделал вид, что отправил, и расписку даже принёс. А сам с Грушенькой на эти деньги в Мокрое! Цыган туда добыл, шампанского, всех мужиков там шампанским перепоил, всех баб и девок двинул тысячами! Через три дня гол, но сокол. Ты думал, достиг чего сокол-то? Даже издали не показала. Видел и целовал – но и только! Клянусь!

АЛЁША. И ты в самом деле хочешь на ней жениться?

МИТЯ. Коль захочет, так тотчас же... А не захочет, и так останусь. Дворником на её дворе буду...

АЛЁША. Катерина Ивановна всё поймёт. У неё высший ум. Нельзя быть несчастнее тебя. Она увидит и примирится.

МИТЯ. Не примирится. Тут, брат, есть нечто, с чем нельзя никакой женщине примириться. А знаешь, что лучше всего сделать?

АЛЁША. Что?

МИТЯ. Три тысячи ей отдать. Я тебя к отцу пошлю.

АЛЁША. К отцу?

МИТЯ. Я знаю, что у него уж дней пять как вынуты три тысячи рублей, разменены в сотенные и упакованы в большой пакет под пятью печатями. На пакете же написано: «Ангелу моему Грушеньке, коли захочет прийти». Сам нацарапал, в тишине, в тайне... Никто не знает, кроме лакея Смердякова.

АЛЁША. Один Смердяков?

МИТЯ. Он один... Он мне и знать даст, коль та к старику придёт.

АЛЁША. Митя, а вдруг Грушенька придёт сегодня... не сегодня, так завтра?

МИТЯ. Грушенька? Подсмотрю, ворвусь и помешаю...

АЛЁША. А если?

МИТЯ. А коль «если», убью.

АЛЁША. Кого убьёшь?

МИТЯ. Старика. Её не убью.

АЛЁША. Брат, что ты говоришь?!

МИТЯ. Я ведь не знаю, не знаю... Может быть, не убью, а может, убью. Личное омерзение чувствую. Вот могу и не удержаться.

Сцена 3.

Сл и ДЕВКА.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А ну не молчать! Что же это ты, милая, мне в молчанку играть вздумала?!

ДЕВКА. Так ведь вы толком ничего не спрашиваете! Я Карамазовых этих знать не хочу, потому как все дикие, все – кровопийцы. Павлушу довели-с... Они все Павлушу ненавидели-с, потому что боялись.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Отчего же боялись?

ДЕВКА. Боялись, что он их наследство-то и отберёт-с. Очень они все алчные были. За денежки поубивать готовы были друг друга. А Павлушу ненавидели, потому как Павлуша выше их всех был. Благородней-с...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну об этом после. Часто у них бывала?

ДЕВКА. Бывала-с...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А в день убийства?

ДЕВКА. Кажется... Очень даже помнится тот день.

*ФЁДОР ПАВЛОВИЧ, ИВАН и АЛЁША, ГРИГОРИЙ, СМЕРДЯКОВ и ДЕВКА
СМЕРДЯКОВА.*

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Вот и он, вот и он! Присоединяйся к нам, садись, кофейку – постный ведь, да горячий! Коньячку не приглашаю, ты постник. А хочешь, хочешь? Смердяков!

АЛЁША. Не надо...

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Не дают, каналы, в тишине посидеть. Смердяков за обедом теперь каждый раз сюда лезет. И бабенция его... (Указывает на девушку). Не дурна бабенция? Это ты ему столь любопытен, Иван, чем ты его так заласкал?

ИВАН. Ничем. Уважать меня вздумал: это лакей и хам. Передовое мясо, впрочем, когда срок наступит.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Передовое?

ИВАН. Будут другие и получше, но будут и такие. Сперва будут такие, а за ними получше.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. И чёрт с ним... Русского мужика, вообще говоря, надо пороть. Я это всегда утверждал. Мужик наш мошенник, его жалеть не стоит. А Россия свинство! Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию. Знаешь, что люблю? Я люблю остроумие...

ИВАН. Вы опять рюмку выпил. Довольно бы вам.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Подожди, я ещё одну, а там и покончу. В Мокром один мне говорит: «Мы, очень, говорит любим девок по приговору пороть и пороть даём всё парням. После эту же, которую ноне порол, завтра парень в невесты берёт, так что оно самим девкам, говорит, у нас повадно». Каковы маркизы де Сады, а? Смердяков, порешь свою барышню?

СМЕРДЯКОВ. Никак нет-с. Холю-с.

ДЕВКА. А порол бы, так я и не против...

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. А всё-таки я бы с твоим монастырьком покончил. Взять бы всю эту мистику и упразднить!

ИВАН. Да зачем упразднять?

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. А чтоб истина скорей воссияла, вот зачем.

ИВАН. Да ведь коль эта истина воссияет, так вас же первого сначала ограбят, а потом... упразднят.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Ба! А ведь, пожалуй, ты прав. Ах, я ослица... Иван, говори: есть бог или нет? Стой: наверно говори, серьёзно говори!

ИВАН. Нет, нету бога.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Алёшка, есть бог?

АЛЁШКА. Есть бог.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. А бессмертие есть, ну там какое-нибудь, ну хоть маленькое, малюсенькое?

ИВАН. Нет и бессмертия.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Никакого?

ИВАН. Никакого.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Алёшка, есть бессмертие?

АЛЁША. Есть.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. И бог, и бессмертие?

АЛЁША. И бог, и бессмертие. В боге и бессмертие.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Гм. Вероятнее, что прав Иван.

ИВАН. А коньяк всё-таки у вас взять придётся.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Пстой, пстой, милый, ещё одну рюмочку. Я Алёшу оскорбил. Ты не сердись, Алексей? Милый Алексейчик ты мой, Алексейчик!

АЛЁША. Нет, не сержусь. Я ваши мысли знаю. Сердце у вас лучше головы.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. У меня-то сердце лучше головы? Господи, да ещё кто это говорит... Иван, любишь ты Алёшку?

ИВАН. Люблю.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Люби. А меня ты презираешь. Ты приехал ко мне и меня в доме моём презираешь.

ИВАН. Я и уеду: коньяк вас разбирает.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Чего ты глядишь на меня? Твои глаза говорят мне: «Пьяная ты харя!» Подозрительные твои глаза... Я лучше с барышней потолкую. Ты откуда такая звезда будешь?

СМЕРДЯКОВ. Из Рязани-с...

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. А ты заткнись! Не с тобой толкую...

ДЕВКА. Откуда и все... Из утробы материнской.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. О, про это я очень хорошо знаю. И такого, про эту самую утробу порассказать могу... Ну не при Лёшке, потом... Потом тебе расскажу и покажу...

С шумом врывается МИТЯ, его пытаются удержать ГРИГОРИЙ и СМЕРДЯКОВ.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. (ИВАНУ). Убьёт, убьёт! Не давай меня, не давай!

МИТЯ. Значит, она там! Её спрятали там! Прочь, подлец! (Бьёт ГРИГОРИЯ, тот падает). Я сейчас сам видел, как она повернула к дому... Где она, где она? (Выбегает в другую комнату, ФЁДОР ПАВЛОВИЧ бросается за ним).

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Держи, держи его! Караул!

ИВАН. Чего гонитесь за ним! Он вас и впрямь там убьёт!

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Ванечка, Лёшечка, она, стало быть, здесь. Грушенька здесь, сам, говорит, видел, что пробежала...

ИВАН. Так ведь сами видели, что не приходила!

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. А может, через тот вход?

ИВАН. Да ведь он заперт! (МИТЯ возвращается).

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Держи его! Он там в спальне у меня деньги украл! (ФЁДОР ПАВЛОВИЧ бросается на МИТЮ, тот бьёт его. ИВАН и АЛЁША оттаскивают МИТЮ от отца).

ИВАН. Сумасшедший, ведь ты убил его!

МИТЯ. Так ему и надо! А не убил, так ещё приду убить. Не устережёте!

АЛЁША. Дмитрий! Иди отсюда вон сейчас!

МИТЯ. Алексей! Тебе одному поверю: была сейчас здесь она или не была?

АЛЁША. Клянусь тебе, она здесь не была, и никто здесь не ждал её вовсе!

МИТЯ. Но я её видел... Стало быть, она... Я узнаю сейчас, где она... Прощай, Алексей! (ФЁДОРУ ПАВЛОВИЧУ). Не раскаиваюсь за твою кровь! Проклинаю тебя сам и отрекаюсь от тебя совсем... (Выбегает).

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Она здесь, она верно здесь... Смердяков, Смердяков...

ИВАН. Нет её здесь, нет, безумный вы старик! Ну с ним, обморок! Воды, полотенце...

Смердяков... Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Алёша... Где Иван?

АЛЁША. На дворе, у него голова болит. Он нас стережёт.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Что говорит Иван? Алёша, милый, единственный сын мой, я Ивана боюсь; я Ивана больше, чем того, боюсь. Я только тебя одного не боюсь... (АЛЁША уходит).

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Нет её, ну и не надо... Иди сюда, красавица. Что зенки вылупила, смотри на благодетеля своего. Смердяков, пошёл вон...

СМЕРДЯКОВ. Только же барышня...

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. А барышня как раз при мне останется. Барышень мы любим. Для барышень у нас шоколад припасён. Вон ступай, Смердяков. (*СМЕРДЯКОВ уходит. ДЕВКЕ.*) Иди голуба моя, небось, не обижу. Тятя добрый, тятя приласкает... (*Лезет к ДЕВКЕ, целует её...*).

ГРИГОРИЙ и СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ГРИГОРИЙ. Я и на суде скажу, я Дмитрия Фёдоровича с малолетства растил, сам, вот этими руками в карыте подмывал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не обидно, что в детстве подмывали, а он, позраслев, на вас, на кормильца, так сказать, и с кулаками?

ГРИГОРИЙ. Что греха таить, обидно и есть... Только ведь что тут сделаешь, коль у него характер такой буйный. Он ведь не со зла, а только от дикости своей и бьёт. И когда бьёт себя не помнит.

Сцена 4.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА, ХОХЛАКОВА, ГРУШЕНЬКА И ЛИЗА .

ХОХЛАКОВА. Чай! Чай! Чай! Лично я верю в удивительную, восстановительную силу чая. Особенно чая китайского! У меня один доктор знакомый, большой по чаю специалист, об этом целый трактат написал и Академию медицинских наук в Петербурге...

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Как вы думаете, он сюда зайдёт?

ЛИЗЕ. Сюда все заходят... У нас же не дом – у нас проходной двор.

ХОХЛАКОВА. Лизе! Вы только ощутите, какой аромат.

Вбегает СЛУЖАНКА.

СЛУЖАНКА. Там Алексей Фёдорович пришли-с!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Алёша. Он должен что-то знать. Ну конечно, конечно от от него... Могу я с ним поговорить! Умоляю, всего несколько минут!

ХОХЛАКОВА. Ну конечно, Лизе...

ЛИЗЕ. Маман, я тоже хочу с ним поговорить!

ХОХЛАКОВА. Ну конечно, мы с ним поговорим.

ГРУШЕНЬКА. Что ж, и я обожду...

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Ну конечно, милая. Конечно...

ХОХЛАКОВА, ЛИЗЕ И ГРУШЕНЬКА выходят.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Слава богу, наконец-то и вы! Я одного только вас и молила у бога весь день! Садитесь. Мне вот что от вас нужно; мне не известий от вас нужно – а ваше собственное, личное впечатление о нём. В самом прямом, неприкрашенном, в грубом даже (о, во сколько хотите грубом!) виде!

АЛЁША. Он приказал вам... кланяться, и что больше не придёт никогда... а вам кланяться.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Он так и сказал, так и выразился?

АЛЁША. Да.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Он в отчаянии, но я ещё могу спасти его. Стойте: не передавал ли он вам что-нибудь о деньгах, о трёх тысячах?

АЛЁША. Говорил... Он говорил, что лишён теперь чести и теперь уже всё равно. Но разве вы... про эти деньги знаете?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Давно... Я в Москве телеграммой спрашивала. Он деньги не послал, но я молчала. Я поставила в этом одну только цель: чтоб он знал, к кому воротиться и кто его самый верный друг.

АЛЁША. Он пошёл к этой женщине.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. А вы думаете, я эту женщину не перенесу? Но он на ней не жениться? Разве Карамазов может гореть такой страстью вечно? Да и она не выйдет за него...

АЛЁША. Он, может быть, жениться.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Не жениться, говорю вам! Эта девушка – ангел, знаете вы это? Это самое фантастическое из фантастических созданий! Я знаю, как она обольстительна, но я знаю, как она и добра, тверда, благородна. Чего вы смотрите так на меня, Алексей Фёдорович? Аграфена Александровна, ангел мой! *(Входит ГРУШЕНЬКА)*.

ГРУШЕНЬКА. А я только и ждала за занавеской, что вы позовёте.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Мы в первый раз видимся, Алексей Фёдорович. Я захотела узнать её, увидеть её, я хотела идти к ней, но она по первому желанию моему пришла сама. Грушенька всё разъяснила мне, все свои намерения; она, как ангел добрый, слетела сюда и принесла покой и радость...

ГРУШЕНЬКА. Не погнушались мной, милая, достойная барышня...

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. И не смейте говорить мне такие слова! Вами-то гнушаться?

ГРУШЕНЬКА. Нежите вы меня, милая барышня, а я, может, и вовсе не стою ласки вашей.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Она этого не стоит? Знайте, Алексей Фёдорович, мы благородны, мы великодушны... Мы слишком скоро были готовы принести всякую жертву недостойному, может быть, человеку. Был один, тоже офицер, мы его полюбили, мы ему всё принесли, давно это было, ять лет назад, а он нас забыл, он женился. Теперь он овдовел, писал, он едет сюда, -- и знайте, что мы одного его только любим! Он приедет, и Грушенька опять будет счастлива!

ГРУШЕНЬКА. Очень уж вы меня защищаете, милая барышня, очень уж поспешаете.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Защищаю? Да нам ли защищать? Грушенька, ангел, дайте мне вашу ручку. Посмотрите на эту пухленькую, маленькую, прелестную ручку. Она мне счастье принесла, Алексей Фёдорович, и я её целовать буду, и сверху и в ладошку, вот, вот и вот!

ГРУШЕНЬКА. Не устыдите ведь вы меня, милая барышня, что ручку мою при Алексее Фёдоровиче так целовали?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Ах, милая, как вы меня дурно понимаете...

ГРУШЕНЬКА. Да вы-то меня, может, тоже не совсем понимаете. Я, может, гораздо дурнее того, чем у вас на виду. Я сердцем дурная, своевольная. Я Дмитрия Фёдоровича, бедного, из-за насмешки одной заполонила.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Но ведь теперь вы же его и спасёте. Вы дали слово. Вы откроете ему, что любите другого, давно...

ГРУШЕНЬКА. Ах нет, я вам не давала такого слова. Вы это сами мне всё говорили, а я не давала.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я вас не так, стало быть, поняла... Вы обещали...

ГРУШЕНЬКА. Ах нет, ангел-барышня, ничего я вам не обещала. Вот и видно сейчас, достойная барышня, какая я перед вами скверная и самовластная. Мне что захочется,

так я и поступлю. Вот я, может быть, пойду да и скажу ему сейчас, чтоб он у меня с сего же дня остался...

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Давеча вы говорили... совсем не то...

ГРУШЕНЬКА. Ах, давеча! А ведь я сердцем нежная, глупая. А вдруг домой приду да и пожалею его – тогда что?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Я не ожидала...

ГРУШЕНЬКА. Эх, барышня, какая вы предо мной добрая, благородная выходите. Дайте мне вашу ручку, ангел барышня. Вот я вашу ручку возьму и также, как вы мне, поцелую. Вы мне три раза поцеловали, а мне бы вам надо триста раз за это поцеловать... А знаете что, ангел-барышня, знаете что, возьму я да вашу ручку и поцелую.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Как хотите... Что с вами?

ГРУШЕНЬКА. С тем и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я у вас нет.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Наглая!

ГРУШЕНЬКА. Так я и Мите перескажу. А уж как он будет смеяться!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Мерзавка, вон!

ГРУШЕНЬКА. Ах как стыдно, барышня, ах как стыдно и непристойно... А неужто вы думаете не понимаю я ничего? Вы же специально хотели, чтобы я Митеньке отказала, чтобы помучить его, так как вы сами мучились, как он от вас, готовой, отказался!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Вон, продажная тварь!

ГРУШЕНЬКА. Ну уж и продажная. Сами вы девицей к кавалерам за деньги в сумерки хаживали... А теперь, Митеньку от меня отвадить мечтаете, а сами по Ване, Ивану Фёдоровичу, тайно сохните... Так ведь и он вас не возьмет, чудо барышня! А вы потому на стенки лезете. От мечтаний срамных, да от гонору и лезете...

АЛЁША. Не говорите, не отвечайте ничего, она уйдёт, сейчас уйдёт!

ГРУШЕНЬКА. И уйду! (*Уходит*).

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Зачем вы меня удержали, Алексей Фёдорович, я бы избил её, я бы избил её, избил! (*Рыдает*). Её нужно плетью, на эшафоте, через палача, при народе!.. Ваш брат подлец, Алексей Фёдорович! Уходите! (*Сама выбегает*).

Сцена 5.

АЛЁША поднимает чашку и находит под ней письмо ЛИЗЫ.

Появляется ЛИЗА.

ЛИЗА. Алексей Фёдорович, пишу вам от всех секретно. Бумага, говорят, не краснеет, уверяю вас, что это неправда и что краснеет она так же точно, как и я теперь вся. Милый Алёша, я вас люблю, люблю ещё с детства, с Москвы, когда вы были совсем не такой, как теперь, и люблю на всю жизнь. Насчёт же лет наших мы подождём, сколько приказано законом. К тому времени я непременно выздоровлю, буду ходить и танцевать.

Вот я написала вам любовное письмо, боже мой, что я сделала! Я сегодня непременно буду плакать. До свидания, до ужасного свидания. Лизе. (*ЛИЗА прерывается*).

ХОХЛАКОВА, ЛИЗА и АЛЁША.

ХОХЛАКОВА. Я вас ждала! Я вас жаждала! Я всё знаю, всё знаю... Обо всех этих ужасах с этою... тварью. И я бы на её месте, -- я не знаю, что б я сделала на её месте. Но и брат ваш – Дмитрий Фёдорович, каков!

АЛЁША. Как она?

ХОХЛАКОВА. Сидит там... С нею Иван Фёдорович, и разговор у них торжественный. Если бы вы только поверили, что между ними происходит... Она любит вашего брата Ивана Фёдоровича, и уверяет себя изо всех сил, что любит вашего брата Дмитрия Фёдоровича. Это ужасно! Скажите, почему с Лизе истерика? Только что она услышала, что вы подходите, и с ней тотчас же началась истерика.

ЛИЗА. Маман, это с вами теперь истерика.

ХОХЛАКОВА. Не мудрено, Лизе, не мудрено... от твоих капризов и со мной истерика будет. Как только вы подошли к дому, с ней случился припадок...

ЛИЗА. Мама, я не знала, что он подходит.

ХОХЛАКОВА. Неправда, тебе Юлия сказала, она у тебя на сторожках стояла.

ЛИЗА. Милый голубчик мама, это ужасно неостроумно с вашей стороны.

ХОХЛАКОВА. Лизе, ты слишком много себе позволяешь, и уверяю тебя, что я наконец прибегну к мерам строгости. Ох, Алексей Фёдорович, я несчастна. Эта ужасная ночь в жару...

ЛИЗА. Выпейте порошков.

ХОХЛАКОВА. Может, послать за Герценштубе?

ЛИЗА. Мама, вы меня убьёте. Ваш Герценштубе приедет и скажет, что не может понять! Воды и порошков...

ХОХЛАКОВА. Ты права... Вы простите, я вас оставлю на минуту, а то боюсь, свалюсь в какой-нибудь обморок. *(ХОХЛАКОВА выходит)*.

ЛИЗА. Мигом извольте отдать мне моё письмо! Мигом, потому что сейчас может прийти маменька, а я не хочу...

АЛЁША. Я не могу этого сделать.

ЛИЗА. Я так и знала, что вы так ответите. Я так раскаивалась в этой глупой шутке всю ночь!

АЛЁША. Лиза...

ЛИЗА. Но вы не можете же меня считать за девочку, за маленькую-маленькую девочку, после моего письма с этою глупою шуткой? Послушайте, вы очень надо мной смеялись?

АЛЁША. Я ни капли не смеялся...

ЛИЗА. Почему же?

АЛЁША. Потому что я совершенно всему поверил.

ЛИЗА. Вы меня оскорбляете!

АЛЁША. Нисколько. Я как прочёл, то тотчас и подумал, что этак всё и будет. Как умрёт старец Зосима, сейчас же буду должен выйти из монастыря. Затем я буду продолжать курс и сдать экзамен, а как придёт законный срок, мы женимся. Я вас буду любить.

ЛИЗА. Да ведь я урод, меня на креслах возят!

АЛЁША. Я вас сам буду на кресле возить, но я уверен, что вы к тому сроку выздоровеете.

ЛИЗА. Но вы сумасшедший! Из такой шутки вывели такой вздор! Ах, вот и мамаша, может быть, очень кстати.

ХОХЛАКОВА. Ах, Лизе, не кричи, главное – не кричи. У меня от этого крику...

ЛИЗА. Довольно, мама! Вообразите себе, Алексей Фёдорович хочет жениться. Ну не маленький ли он сам после этого? Ну не смех ли?

ХОХЛАКОВА. Ну как же жениться, и с какой стати...

ЛИЗА. Мама, возьмите его скорей и уведите. Алексей Фёдорович, ступайте прямо в ваш монастырь, туда вам и дорога! А я спать хочу, я всю ночь не спала.

ХОХЛАКОВА. Ах, если бы в самом деле...

АЛЁША. Я останусь ещё, если хотите...

ЛИЗА. Да уведите же его скорее, мама, это монстр!

ХОХЛАКОВА. Лизе, ты с ума сошла. Уйдёте, Алексей Фёдорович, она слишком капризна сегодня, я её раздражать боюсь.

Сцена 6.

Возникает странное, прекрасное видение: дети лет десяти играют в лапту. Среди них выделяются четыре мальчишка, возникает ощущение, что они братья. Они счастливы...

АЛЁША. СМЕРДЯКОВ И ДЕВКА поют песню.

АЛЁША. Павел, ты Ивана не видел?

СМЕРДЯКОВ. А зачем он вам-с?

АЛЁША. Посоветоваться...

СМЕРДЯКОВ. На счёт буйств Дмитрия Фёдоровича?

АЛЁША. Так ты его не видел?

СМЕРДЯКОВ. Как же не видели-с? Очень даже видели-с... Они в трактир пошли-с, там и ищите-с.

АЛЁША. Спасибо...

СМЕРДЯКОВ. Только знайте, Дмитрий Фёдорович, что изменить уж ничего нельзя! Позно-с!

АЛЁША. Ты это о чём?

СМЕРДЯКОВ. Ничего уж не повернуть вспять... (Опять начинает петь).

ИВАН и АЛЁША.

ИВАН. Я помню тебя до одиннадцати лет, Алёша. Мне был тогда пятнадцатый год. Пятнадцать и одиннадцать, это такая разница, что братья никогда не бывают товарищами. Потом я уехал в Москву. А теперь вот уже четвёртый месяц здесь живу, и до сих пор мы с тобой не сказали не слова. Ты, кажется, почему-то любишь меня, Алёша?

АЛЁША. Люблю, Иван. Брат Дмитрий говорит про тебя: Иван – могила. Я говорю про тебя: Иван – загадка. Но нечто я уже осмыслил в тебе...

ИВАН. Что ж?

АЛЁША. А не рассердишься?

ИВАН. Ну?

АЛЁША. А то, что ты такой же точно молодой человек, как и все остальные двадцатитрёхлетние молодые люди. Такой же молоденький, свежий и славный мальчик, ну желторотый, наконец, мальчик. Что, не очень тебя обидел?

ИВАН. Напротив, поразил совпадением! Я только об этом про себя и думал. А ведь и правда, всё победит моя молодость. Я спрашивал себя, есть ли в мире такое отчаяние, чтобы победило во мне эту испуганную и неприличную, может быть, жажду жизни, и решил, что нет такого. Черта-то она отчасти карамазовская, это правда. Понимаешь?

АЛЁША. Слишком понимаю, Иван. Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.

ИВАН. Жизнь полюбить больше, чем смысл её?

АЛЁША. Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь. Непременно чтобы прежде логики, и тогда только ты и смысл поймёшь.

ИВАН. Ты, я вижу, в каком-то вдохновении. Ужасно я люблю такие professions de foi. Твёрдый человек, Алексей. Правда, что ты из монастыря хочешь выйти?

АЛЁША. Правда. Мой старец меня в мир посылает.

ИВАН. Стало быть, в миру-то, встретимся ещё...

АЛЁША. Иван, я спросить тебя хотел: что же Дмитрий и отец? Чем это у них кончится?

ИВАН. А ты всё свою канитель! Да я-то тут что? Сторож я, что ли, моему брату Дмитрию? Каинов ответ богу, а? Всё здесь в деньги упирается. Цена ведь проста – сто двадцать тысяч. За такие деньги здесь и отца родного не пожалеют.

АЛЁША. Что ж ты такое говоришь?

ИВАН. Правду. Приходится говорить правду, раз ни у кого духу больше не хватает. Каждый ведь из нас по своему думает: Дмитрий за несправедливость отцовскую буйствует, ты, братец, считаешь, что отец на эти деньжищи все смертные грехи плодит, да и я, признаться, на иные бы цели капиталы направил... Э, чёрт, куда разговор завёл... Не об этом страдаю!

АЛЁША. Ты про любовь свою говоришь, Иван?

ИВАН. Любовь, если хочешь, да, я влюбился в барышню, в институтку Катерину Ивановну. Мучился с ней, и она сама меня мучила. Сидел над ней... и вдруг всё слетело. Давеча я говорил вдохновенно, а вышел и расхохотался – веришь этому. Нет, я буквально говорю.

АЛЁША. Как же так...

ИВАН. Да почём же я знал, что я её вовсе не люблю! Ты думаешь, я фанфарону?

АЛЁША. Нет. Только это, может, не любовь была.

ИВАН. Алешка, не пускайся в рассуждения о любви! Тебе неприлично. Я тебе должен сделать одно признание: я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних и невозможно, а разве только дальних. Я читал вот где-то про «Иоанна Милостивого», что он, когда к нему пришёл голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лёг с ним и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то болезни рот его. Я убеждён, что он это сделал с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви. Чтобы полюбить человека, надо чтобы тот спрятался. А чуть лишь покажет лицо своё – пропала любовь.

АЛЁША. Ты говоришь с странным видом. Точно ты в каком безумии...

ИВАН. Расскажу тебе одну только картину. Это было ещё в начале столетия, в мрачное время крепостного права. Ну вот, живёт генерал своём поместье в две тысячи душ. Псарня с сотнями собак, и чуть не сотня псарей, все в мундирах, все не конях. И вот дворовой мальчик, маленький мальчик, всего восьми лет, пустил как-то, играя, камнем и зашиб ногу любимой генеральской гончей. Генерал узнал. «Взять его!» -- говорит. Взяли его, взяли у матери, и в кутузку. Наутро чем свет выезжает генерал во всём параде на охоту. Мальчика генерал велел раздеть, ребёночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть. «Гони его!» -- командует генерал. «Ату его!» И бросает на него всю стаю борзых собак. И псы растерзали ребёнка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли... Ну что же его, для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алёшка!

АЛЁША. Расстрелять.

ИВАН. Bravo! Ай да схимник! Так вот какой у тебя бесёнок в сердечке сидит, Алёшка Карамазов!

АЛЁША. Я сказал нелепость, но...

ИВАН. То-то и есть, что но... Не стоит вся божественная гармония слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей «боженьке»!

АЛЁША. Это бунт.

ИВАН. Вставай, Алёша, пора и мне, и тебе.

Выходят, натываются на СМЕРДЯКОВА.

ИВАН. Ты, Алёша иди, а мне ещё поговорить надо.

Сцена 7.

ИВАН и СМЕРДЯКОВ.

СМЕРДЯКОВ. Прощайте ещё раз, Алексей Фёдорович... Удивляюсь я на вас, сударь.

ИВАН. С чего ты на меня удивляешься?

СМЕРДЯКОВ. Зачем вы, сударь, в Чермашню не едете-с?

ИВАН. Зачем я в Чермашню поеду?

СМЕРДЯКОВ. Сами даже Фёдор Павлович так вас об этом умоляли-с.

ИВАН. Э, чёрт, говори ясней, чего тебе надобно?

СМЕРДЯКОВ. Существенного ничего нет-с... а так-с, к разговору... *(Пауза)*. Ужасное моё положение-с, Иван Фёдорович, не знаю даже, как и помочь себе. Оба совсем блаженные-с, оба дошли до самого малого ребячества-с. Я про вашего родителя и про вашего брата-с Дмитрия Фёдоровича. Вот они встанут, Фёдор Павлович, и начнут приставать ко мне каждую минуту: «Что не пришла? Почему не пришла?» С другой стороны, такая статья-с: как только смеркается, братец ваш с оружием в руках явится по соседству: «Смотри, дескать, шельма, бульонщик: проглядишь её у меня и не дашь мне знать, что пришла, -- убью тебя прежде всякого!» И точно я пред ними виноват выхожу-с, что ихняя госпожа не явилась. И до того с каждым днём серчают оба-с, что думаю иной час сам жизни себя лишить-с.

ИВАН. А зачем ввязался!

СМЕРДЯКОВ. Полагаю, сударь, что со мной завтра длинная падучая приключится.

ИВАН. Какая такая длинная падучая?

СМЕРДЯКОВ. Длинный припадок-с такой, чрезвычайно длинный-с. Раз со мной продолжалось это дня три, упал я с чердака тогда. Помереть бы мог-с...

ИВАН. Да ведь, говорят, падучую нельзя заранее предугадать?

СМЕРДЯКОВ. Это точно, никак нельзя.

ИВАН. И чердак...

СМЕРДЯКОВ. На чердак каждый день лазею-с, могу и завтра упасть с чердака. А не с чердака, так в погреб упаду-с.

ИВАН. Плетёшь ты, я вижу, и я тебя, что-то не понимаю. Притвориться, что ли ты хочешь завтра в падучей? А?

СМЕРДЯКОВ. Если бы я даже эту самую шутку и мог-с, и так как её сделать совсем нетрудно опытному человеку, то тут я в полном праве это средство употребить для спасения жизни. Ибо когда я в болезни лежу, то хотя бы Аграфена Александровна пришла к ихнему родителю, не могут они с больного человека спросить: «Зачем не донёс?» Сами постыдятся.

ИВАН. Э, чёрт, всё об своей жизни трусишь! Все эти угрозы брата Дмитрия... Не убьёт он тебя. Убьёт, но не тебя...

СМЕРДЯКОВ. Убьёт как муху-с, и прежде всего меня-с. А пуще того я другого боюсь: чтобы меня в их сообществе не сочли, когда что нелепое над родителем учинят.

ИВАН. Почему тебя сочтут сообщником?

СМЕРДЯКОВ. Потому сочтут, что я им эти самые знаки в секрете большом сообщил-с.

ИВАН. Какие знаки? Кому сообщил? Чёрт тебя побери, говори яснее!

СМЕРДЯКОВ. Тут есть один секрет у меня с Фёдором Павловичем. Они уже несколько дней как сызнутри запираются стали. А как начали эту затею с Аграфеной Александровной, так на ночь всех из дому удаляют. Мне же наказали до полуночи не спать, а дежурить. А коль придёт, мне стало быть надо постучать – да не просто, по особенному, как оговорено... Оченно бояться они Дмитрия Фёдоровича... *(Стучит)*. Так вот... Вот эти самые знаки Дмитрию Фёдоровичу теперь и стали известны.

ИВАН. Почему известны? Передал? Как же ты смел передать?

СМЕРДЯКОВ. От этого самого страху-с. Вот и сообщил, чтобы видели моё раболепие и тем самым удостоверились, что их не обманываю, а всячески им доношу.

ИВАН. Так ты его не пускай.

СМЕРДЯКОВ. А когда я сам в припадке буду лежать-с?

ИВАН. Э, чёрт возьми! Почему ты так уверен, что придёт падучая? Смеёшься ты что ли надо мной?

СМЕРДЯКОВ. Предчувствую... От страху одного и придёт-с.

ИВАН. Э, чёрт! Предупреди Григория, уж он-то его не пустит!

СМЕРДЯКОВ. Про знаки я Григорию Васильевичу без приказания барина не смею сообщить-с. Да и вообще они нынче расхворались, и Марфа Игнатьевна их завтра лечить намереваются. Настойкой-с спиртовой, которую после втираний употребят-с внутрь оба, после чего, как люди не пьющие, свалятся-с и спят очень долгое время крепко-с.

ИВАН. Что за ахинея! И всё это как нарочно так сразу и сойдётся: и у тебя падучая, и те оба без памяти! Или ты сам хочешь подвести, чтобы всё сошлось?

СМЕРДЯКОВ. Как же бы я так подвёл-с... И для чего подводить, когда всё тут от Дмитрия Фёдоровича одного и зависит-с... Захотят они что учинить – учинят-с, а нет, так не я ж нарочно их приведу, чтобы к родителю их втолкнуть. Да и конверт тот, с тремя тысячами...

ИВАН. Вздор! Дмитрий не пойдёт грабить отца, да и ещё и убивать! Вчера мог убить его за эту тварь, как иступленный злобный дурак, но грабить не пойдёт!

СМЕРДЯКОВ. Им очень теперь нужны деньги-с. До последней крайности нужны, Иван Фёдорович. А эти самые три тысячи они к тому же считают как бы за свои собственные... А помри ваш родитель, каждому из вас по сорока тысяч верных придётся тотчас. Да, вы не бойтесь, я на ваши деньги претендовать не буду-с...

ИВАН. Что значит претендовать? С ума ты что ли сошёл?

СМЕРДЯКОВ. А то и значит-с... Наследство ведь всем братьям положено.

ИВАН. Что?

СМЕРДЯКОВ. Но мне ваши деньги ни к чему. Вы за них и душитесь. Я своё и так получу.

ИВАН. Так зачем же ты мне в Черманю советуешь ехать? Я уеду, а у вас вот что произойдёт?

СМЕРДЯКОВ. Совершенно верно-с...

ИВАН. Как совершенно верно?

СМЕРДЯКОВ. Я говорил, вас жалеючи... У такого дела сидеть...

ИВАН. Ты, кажется, большой идиот и уж конечно... страшный мерзавец! (*Пауза*). Я завтра в Чермашню уезжаю.

СМЕРДЯКОВ. Значит, правду говорят люди, что с умным человеком и поговорить любопытно.

ИВАН. Уложи вещи, я через час зайду.

Сцена 8.

СЛЕДОВАТЕЛЬ И ХОХЛАКОВА.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Госпожа Хохлакова, проходите... Присаживайтесь.

ХОХЛАКОВА. Боже, такой скандал! Чтобы сын убил отца, задушил собственными руками – не понимаю!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Подождите, почему задушил? А во-вторых, с чего вы взяли, что Фёдора Павловича убил Дмитрий Фёдорович?

ХОХЛАКОВА. А что, нет?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Следствие не закончено.

ХОХЛАКОВА. Ах, сколько страху мне пришлось вынести! Да как же не он убийца? А впрочем, это ваше дело... У меня и так нервы на пределе... Я ведь мать, одинокая мать ребёнка-инвалида!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну что ж, приступим прямо к делу. Не могли бы вы припомнить тот разговор, который у вас произошёл с Дмитрием Фёдоровичем в день трагедии?

ХОХЛАКОВА. Конечно могу, на память, слава богу, ещё не жалею. Хотя от таких переживаний, любой бы умом тронулся. Я ведь ждала его, предчувствовала, что придёт...

МИТЯ и ХОХЛАКОВА.

ХОХЛАКОВА. Ждала, ждала! Подивитесь моему инстинкту, Дмитрий Фёдорович! Я всё утро была уверена, что вы сегодня придёте.

МИТЯ. Это действительно, сударыня, удивительно. Но... я пришёл по наиважнейшему делу.

ХОХЛАКОВА. Знаю, что по наиважнейшему, Дмитрий Фёдорович. И тут не предчувствия какие-нибудь, тут математика.

МИТЯ. Реализм действительной жизни, сударыня, вот что это такое! Но позвольте, однако ж, изложить...

ХОХЛАКОВА. Именно реализм, Дмитрий Фёдорович. Я теперь вся за реализм, я слишком проучена на счёт чудес. Вы слышали, что помер старец Зосима?

МИТЯ. Нет...

ХОХЛАКОВА. Сегодня в ночь, и представьте себе, от него пошёл такой смрад...

МИТЯ. Сударыня, я в отчаяннейшем положении. Если вы мне не поможете, всё провалится, и я провалюсь первый. Я в горячке...

ХОХЛАКОВА. Знаю, знаю, что вы в горячке. Всё знаю. И что бы вы не сказали, всё знаю наперёд. О, поверьте, что я опытный душевный доктор, Дмитрий Фёдорович.

МИТЯ. Сударыня, если вы опытный доктор, то я опытный больной. Верю, что спасёте меня, но для этого позвольте мне наконец изложить пред вами тот план, с которым я рискнул явиться...

ХОХЛАКОВА. Не излагайте, это второстепенность. А насчёт помощи, я не первому вам помогаю, Дмитрий Фёдорович. Вы, вероятно, слышали о моей кузине Бельмесовой, её муж погибал, и что же, я указала ему на коннозаводство, и он теперь процветает. Вы имеете понятие о коннозаводстве, Дмитрий Фёдорович?

МИТЯ. Ни малейшего, сударыня, -- ох, сударыня, ни малейшего! Я только умаляю вас, сударыня, меня выслушать! Я пришёл в отчаянии... Чтобы просить у вас займы денег три тысячи, займы, но под верный, вернейший залог, сударыня, под вернейшее обеспечение! Позвольте только изложить...

ХОХЛАКОВА. Это всё потом, потом! Вы просите какой-то суммы, я дам вам больше, безмерно больше, я вас спасу, Дмитрий Фёдорович, но надо, чтобы вы меня послушались!

МИТЯ. Сударыня, неужто вы так добры! Вы спасаете человека от пистолета!

ХОХЛАКОВА. Я вам дам бесконечно, бесконечно больше, чем эти три тысячи!

МИТЯ. Бесконечно? Но столько и не надо...

ХОХЛАКОВА. Довольно, Дмитрий Фёдорович, сказано и сделано! Что вы думаете о золотых приисках?

МИТЯ. О золотых приисках, сударыня? Я никогда не думал...

ХОХЛАКОВА. Зато я за вас думала! Я сто раз смотрела на вас и повторяла: вот энергический человек, которому надо на прииски! Я изучила даже походку вашу и решила: этот человек найдёт много приисков!

МИТЯ. По походке?

ХОХЛАКОВА. А что ж, и по походке. О, я теперь реалистка, Дмитрий Фёдорович, и хочу броситься в практическую деятельность. Довольно! Как сказал Тургенев.

МИТЯ. Но сударыня, эти три тысячи, которыми вы так великодушно меня обещали ссудить...

ХОХЛАКОВА. Вас не минуют, Дмитрий Фёдорович. И не тысячи, а три миллиона! Я вам скажу вашу идею: вы отыщете прииски, наживёте миллионы, воротитесь и станете деятелем, будете и нас двигать... Вы будете строить здания и разные предприятия. Вы станете известны и необходимы министерству финансов, которое теперь так нуждается. Падение нашего кредитного рубля не даёт мне спать...

МИТЯ. Сударыня, сударыня! Я весьма и весьма, может быть, последую вашему совету... И отправлюсь... на эти прииски. Но теперь эти три тысячи...

ХОХЛАКОВА. Довольно, Дмитрий Фёдорович, довольно! Вопрос: едете вы на прииски или нет, отвечайте математически!

МИТЯ. Еду, сударыня, потом. Я поеду куда хотите, но теперь...

ХОХЛАКОВА. Подождите же! (*Ищет что-то шифоньере. МИТЯ ждёт денег*). Вот! (*Находит образок*). Это из Киева, от мощей Варвары Великомученицы. Позвольте мне самой вам надеть и тем благословить на вас на новую жизнь и на новые подвиги. (*Надевает*). Вот теперь вы можете ехать!

МИТЯ. Сударыня, я так тронут... и не знаю, как даже благодарить... Позвольте мне вам открыть... я люблю здесь одно существо... Я изменил Кате. Катерине Ивановне, я хочу сказать. Но я здесь полюбил другую...

ХОХЛАКОВА. Оставьте всё, Дмитрий Фёдорович! Оставьте, и особенно женщин! Ваша цель – прииски! Потом, когда вы возвратитесь в богатстве и славе, вы найдёте себе подругу сердца в самом высшем обществе. Это будет девушка современная, с познаниями и без предрассудков. К тому времени созреет как раз женский вопрос, и явится новая женщина.

МИТЯ. Сударыня, это не то, не то...

ХОХЛАКОВА. То самое, Дмитрий Фёдорович! Женское развитие и даже политическая роль женщины – вот мой идеал! Я написала по этому поводу писателю Щедрину, всего две строчки: «Обнимаю и целую вас, мой писатель, за современную женщину, продолжайте». И подписалась: «мать». Ах, боже мой, что с вами?

МИТЯ. Вы меня заставите заплакать, сударыня, если будете откладывать то, что так великодушно...

ХОХЛАКОВА. И поплачьте, Дмитрий Фёдорович, поплачьте! Это прекрасные чувства... вам предстоит такой путь!

МИТЯ. (*Не выдерживает*). Но позвольте же и мне! В последний раз умоляю, скажите, могу я получить сегодня от вас эту обещанную сумму? Если же нет, то когда именно явиться за ней?

ХОХЛАКОВА. Какую сумму, Дмитрий Фёдорович?

МИТЯ. Обещанные вами три тысячи...

ХОХЛАКОВА. Три тысячи? Это рублей? Ох, нет у меня трёх тысяч...

МИТЯ. Как же... сейчас вы сказали... вы выразились даже... что они всё равно как у меня в кармане...

ХОХЛАКОВА. Ох нет, вы меня не поняли Дмитрий Фёдорович. Я говорила про прииски...

МИТЯ. А деньги, а три тысячи?

ХОХЛАКОВА. О, если вы разумели деньги, то у меня их нет. У меня теперь совсем нет денег, я на днях сама заняла пятьсот рублей у Миусова. И знаете, Дмитрий Фёдорович, если б у меня даже и были, я бы вам не дала. Во-первых, я никому не даю займы. А во вторых, вам нужно только одно: прииски, прииски, прииски!..

МИТЯ. (*В бешенстве*). А чтобы чёрт!..

ХОХЛАКОВА. А-ай! (*МИТЯ выбегает*).

Сцена 9.

СЛЕДОВАТЕЛЬ восстанавливает последовательность событий.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот мы и подходим к развязке этой трагедии... После госпожи Хохлоковой Дмитрий Фёдорович Карамазов, направился было к Грушеньке, но с Аграфеною Светловой не встретился, так как не нашёл её дома. И потому решил, что направилась она не куда иначе, как к ненавистному ему отцу Фёдору Палычу и прямоком бросился к нему... Но вот интересная деталь, уходя, Дмитрий Фёдорович выхватил из ступки на столе пестик, медный пестик в четверть аршина длиною.

Добежал до дома, перелез через забор – никого у дома не было, ведь со слугою, со Смердяковым приключился приступ падучей, а Григорий и Марфа уже спали, приняв некий спиртовой настой...

ГРИГОРИЙ. Я же его вот этими руками в корыте подмывал, Митеньку-то, когда он брошенный в грязи, в помёте птичьей по двору ползал. Что ж, не пропадать же ребятёнку при живом-то отце. Сам и азбуке его учил. И от колик брюшных лечил. И штаны его штопал. Этими руками... В ту ночь, на сердце было особенно беспокойно. Ни молитва, ни заговоры Марфы не помогали... Как проснулся – не помню. Сердце сжалось, как от предчувствия какого-то. Вышел, смотрю – свет в доме, а прямо на меня Митя бежит... Батю, значит, убил и убегает. Я же сразу это понял, по глазам и понял. Глаза у него были бешенные! Пена изо рта... Я его остановить: Митя, мол, обожди, сорванец, и тут удар. Вот и благодарность от пасынка... Думал, лоб так и проломил, да, видать, господь смилостивился, силу умерил. До сих пор кровавые круги в глазах...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Любопытная получается картинка... М-да...

Антракт.

АКТ 2.

Сцена 10.

Начинается СУД.

СУДЬЯ. Открываем предварительные слушания по делу об убийстве мещанина Фёдора Павловича Карамазова. Прошу огласить результаты предварительного расследования.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Следствию удалось доподленно установить всю последовательность событий с момента убийства до задержания обвиняемого Дмитрия Карамазова. Оглушив слугу Григория, Дмитрий бросился к в дом Аграфены Светловой, где застал лишь служанку оной особы – Феню.

ФЕНЯ собирается ко сну. Врывается МИТЯ, на нём кровь. ОН в бешенстве хватается её за горло.

МИТЯ. Где она? Где, говори!

ФЕНЯ. Ай скажу, ай, голубчик Дмитрий Фёдорович, сейчас всё скажу, ничего не потаю! Она в Мокрое к офицеру поехала.

МИТЯ. К какому офицеру?

ФЕНЯ. К прежнему офицеру. К тому самому, к прежнему своему, пять лет назад который был, бросил и уехал! (Пауза).

МИТЯ. Руки-то какие у вас, Дмитрий Фёдорович, всё-то в крови!

МИТЯ. Да...

ФЕНЯ. Барин, что с вами это такое было?

МИТЯ. Это кровь, Феня. Это кровь человеческая и, боже, зачем она пролилась! Но... Смотри сколько денег! Тысячи денег! Не спрашивай как достались, всё равно не скажу! Феня... тут один забор, высокий забор и страшный на вид, но... завтра на рассвете, когда «взлетит солнце», Митинька через этот забор перескочит... Не понимаешь, Феня, какой забор? Ну да ничего... А теперь прощай! (Уходит).

ФЕНЯ. Испугалась я очень, господин судья. Потому как убил бы. Пить дать, убил бы... Руки все в крови, в кулачище – деньги, тысячи бешенные. А в глазах, и передать не могу. Всё ему сказала, очень ведь жить хотелось, господин судья...

Сцена 11.

СУДЬЯ. При каких обстоятельствах был произведён арест?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Получив от Фени известие, что Грушенька уехала к своему «бывшему», Митя бросился в Мокрое... Да как «бросился»: накупил шампанского, вина, деликатесов...

ИВАН. Что же это, доказательство что ди какое, если человек с деликатесами к любимой на тройке едет? Запутали, чёрт, всё дело! Ну вот, с языка сорвалось... Его упомянешь, так он и появится. Чего припёрся?

ЧЁРТ. Это же открытое судебное заседание. Всякому дозволено.

МИТЯ врывается в трактир, где сидят ГРУШЕНЬКА, помещик Максимов и два пана.

ГРУШЕНЬКА. Ай!

МИТЯ. Господа... я, я ничего! Не бойтесь! Я тоже еду. Я до утра. Господа, проезжому путешественнику... можно с вами до утра? Только до утра, в последний раз, в этой самой комнате?

1-ый ПАН. Пане, мы здесь приватно. Имеются иные покои.

МАКСИМОВ. Да это вы, Дмитрий Фёдорович? Садитесь с нами, здравствуйте!

МИТЯ. Здравствуйте дорогой человек... и бесценный.

МАКСИМОВ. Ай, как вы крепко пожали. Совсем сломали пальцы.

МИТЯ. Господа, господа... я... Я летел... Я хотел последний день и час мой провести в этой комнате, где я обожал... мою царицу! Простите, пане! Выпьем, пане, мировую! Сейчас подадут вино... Я привёз вот это! (Показывает пачку денег). Я хочу музыки, грому, гаму, всего, что прежде...

1-ый ПАН. Ежели моя крулева...

ГРУШЕНЬКА. Да что крулева, это королева, что ли? И смешно мне на вас, как вы всё говорите. Садись, Митя, только не пугай, ладно?

МИТЯ. Мне, мне пугать? О, идите мимо, проходите, не помешаю!.. (Вдруг срывается на слёзы).

ГРУШЕНЬКА. Ну вот, ну вот, экой ты! С чего ты плачешь-то? Было бы ещё с чего? Ну развеселись... Я очень рада, что ты приехал, Митя, слышишь, очень рада...

1-ый ПАН. Что изволит моя царица – то закон! Прошу пана до нашей компании.

МИТЯ. Выпьем, пане!

ГРУШЕНЬКА. Да ты кутить, что ли, приехал опять? Да спрячь деньги-то в карман! Откуда столько достал? (МАКСИМОВ вносит корзину с бутылками). Вина!

МАКСИМОВ. А вы знаете, господа, что в 20-х годах вся наша кавалерия пережилась на польках!

2-ой ПАН. Пан польской пани не видзел и муви, что быть не могло.

МАКСИМКОВ. Да я и сам был женат на польской пани-с.
МИТЯ. Да разве ты кавалерист?
МАКСИМКОВ. Нет-с, видите-с... Я про то-с, что эти там паненки... хорошенькие-с... как оттанцевала она с нашим уланом мазурку, так тотчас и вскочит к нему на коленки, как кошечка-с... беленькая-с... А пан-ойц и пани-матка видят и позволяют...
2-ой ПАН. Пан – лайдак!
ГРУШЕНЬКА. Ну вот, и лайдак! Чего он бранится?
1-ый ПАН. Пани Агриппина, пан видзел в польском краю хлопок, а не шляхетных паней.
2-ой ПАН. Можешь на то раховать.
ГРУШЕНЬКА. Вот ещё! Дайте ему договорить-то! С ним весело... Ведь вы же не в Польше женились?
МАКСИМОВ. Нет-с, в Смоленской губернии-с. А только её улан ещё прежде того вывез-с, с пани-маткой, с тантой, и ещё одною родственницей и со взрослым сыном. И мне уступил. Сначала он сам хотел жениться, да и не женился, потому что она оказалась хромая...
МИТЯ. Так ты на хромой женился?
МАКСИМОВ. На хромой-с. Это уж они меня оба тогда немножко обманули и скрыли. Я думал, что она подпрыгивает... Она всё подпрыгивала, я и думал, что это она от весёлости... (Смеётся).
2-ой ПАН. Ктура godzina, пане?
ГРУШЕНЬКА. Коли вам скучно, так уходите. (2-ой ПАН не выдерживает, встаёт). Ишь, зашагал!
МИТЯ. Пан! Выпьем, пане! И с другим паном тоже: выпьем, панове! За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польский край!
1-ый ПАН. Бардзо ми то мило, пане, выпьем.
МИТЯ. И другой пан, как его, эй, ясновельможный, бери стакан!
1-ый ПАН. (Подсказывает). Пан Врублевский.
МИТЯ. За Польшу, Панове, ура! (Пьют. МИТЯ наливает снова.). Теперь за Россию, панове, и побратаемся!
ГРУШЕНЬКА. Налей и нам. За Россию и я хочу пить.
МАКСИМОВ. Да и я бы... за Россеюшку, старую бабусеньку...
МИТЯ. Все, все! За Россию, ура! (Паны не пьют). Как же вы, панове?
2-ой ПАН. За Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года!
1-ый ПАН. Ото бардзо пенкие! (Пьют).
МИТЯ. Дурачьё же вы, панове!
1-ый ПАН. (С угрозой). Па-не!
2-ой ПАН. Але не можно не меть слабосьци до своего краю?
ГРУШЕНЬКА. Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссор!
МИТЯ. Панове простите! Это я виноват, я не буду. Врублевский, пан Врублевский, я не буду!.. Ну, чем же нам заняться, чтобы было весело, опять весело?
МАКСИМОВ. В банчик бы сыграть-с, как давеча...
МИТЯ. Банк? Великолепно!
1-ый ПАН. Пузьно, пане...
2-ой ПАН. То правда.
ГРУШЕНЬКА. Пузьно? Что такое пузьно?
1-ый ПАН. То значит поздно, пани, поздно, час поздний.
ГРУШЕНЬКА. И всё-то им поздно, всё-то им нельзя! Сами скучные сидят и другим чтобы скучно было. Пред тобой, Митя, они всё вот так молчали и надо мной фуфырились.
1-ый ПАН. Богиня моя! Цо мувишь, то сень стане. (МИТЕ). Естем готув, пане.

МИТЯ. Начинайте, пане! (Достаёт деньги). Я тебе много, пан, хочу проиграть. Бери карты, закладывай банк!

1-ый ПАН. Карты чтоб от хозяина, пане.

МИТЯ. От хозяина? Понимаю, пусть от хозяина. Максимов, принеси нераспечатанную колоду. (МАКСИМОВ приносит).

МАКСИМОВ. Девки собираются, жидки с цимбалами, цыгане скоро будут. Митя, дай пять рублей, чтоб в банчик...

МИТЯ. Прекрасно, великолепно! Бери десять, вот! А проиграешь, ещё приходи...

2-ой ПАН. На мейсца, панове!

МИТЯ. Сколько в банке? Ответный?

1-ый ПАН. Слухам, пане, может сто, може двесьце, сколько ставить будешь.

МИТЯ. Миллион! (Захотал. ОНИ играют). Вот, ставлю десять рублей, идёт – валет!

МАКСИМОВ. А я рублик на дамочку, на червонную, на хорошенькую, на паненочку, хи-хи! (МИТЯ выигрывает).

МИТЯ. Угол!

МАКСИМОВ. А я опять рублик...

МИТЯ. Бита! Семёрку на пе! На пе!

1-ый ПАН. Двесьце проиграл, пане. Ещё ставишь двесьце?

МИТЯ. Как двести уж проиграл? Так ещё двести!

МАКСИМОВ. Довольно!

МИТЯ. Что вы это?

МАКСИМОВ. Довольно, не хочу! Не будете больше играть.

МИТЯ. Почему?

МАКСИМОВ. А потому. Плюньте и уйдите, вот почему. Не дам больше играть.

ГРУШЕНЬКА. Брось, Митя, он, может, правду говорит. И без того много проиграл.

1-ый ПАН. Жартуешь, пане?

2-ой ПАН. Як сен поважаеш то робиць, пане!

ГРУШЕНЬКА. Не сметь, не сметь кричать! Петухи индейские!

1-ый ПАН. Пани Агриппина!

МИТЯ. Ясновельможный, на два слова.

1-ый ПАН. Чего хцешь, пане?

МИТЯ. Два словечка скажу тебе хороших, самых лучших, останешься доволен. (1-ый ПАН подзывает 2-го). Телохранитель? Пусть и он, и его надо! Его даже непременно!

ГРУШЕНЬКА. Куда это вы?

МИТЯ. В один миг вернёмся. (Отходят, чтобы ГРУШЕНЬКА не слышала их разговор).

1-ый ПАН. Чем могоен служиць пану?

МИТЯ. А вот чем: вот тебе деньги! Хочешь три тысячи? Бери и уезжай куда знаешь.

1-ый ПАН. Тржи тысенцы, пане?

МИТЯ. Тржи, панове, тржи! Слушай, пане, вижу, что ты человек разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всем чертям! У тебя что там: пальто, шуба? Я тебе вынесу. А?

1-ый ПАН. А рубли, пане?

МИТЯ. Рубли-то вот какие, пане: пятьсот рублей сию минуту тебе на извозчика и в задаток, а остальное завтра в городе – честью клянусь, будут, достану! (ПАНЫ раздумывают, ломаются). Семьсот, семьсот, сию минуту в руки! Чего ты пан, не веришь? Да теперь и нет у меня всех... В городе... дома лежат... Ей-богу лежат, спрятаны...

1-ый ПАН. Чи не потшебуеш ещё чего? Пфе! А пфе! (Плюёт).

МИТЯ. Это ты оттого плюёшься, пане, что от Грушеньки думаешь больше тяпнуть. Каплуны вы оба, вот что!

1-ый ПАН. Естем до живого донкнентным! Пани Агриппина!

ГРУШЕНЬКА. По-русски, говори по-русски, чтобы ни одного слова польского не было!

1-ый ПАН. Пани Агриппина...

ГРУШЕНЬКА. Я Аграфена, я Грушенька, говори по-русски или я слушать не хочу!

1-ый ПАН. Пани Аграфена, я пшиехал забыть старое и простить его...

ГРУШЕНЬКА. Как простить? Это меня-то ты приехал простить?

1-ый ПАН. Так есть, пани, я не малодушны, я великодушны. Но я былем здзивёны, когда видел твоих любовников. Пан Митя там давал мне тржи тысёнцы, чтоб я отбыл. Я плюнул пану в физию.

ГРУШЕНЬКА. Как? Он тебе деньги за меня давал? Правда, Митя? Да как ты смел! Разве я продажная?

МИТЯ. Пане, пане, она чиста и сияет. И никогда я не был её любовником! Это ты соврал...

ГРУШЕНЬКА. Как смеешь ты меня пред ним защищать! Да неужто он с тебя денег не взял?

МИТЯ. Да брал же, брал! Да только все три тысячи разом захотел, а я всего семьсот задатку давал...

1-ый ПАН. Пани Агриппина! Я рыцарь, я шляхтич, а не лайдак! Я пшибыл взять тебя в супругу, а вижу новую пани, не ту, что прежде, а упарту и без встыду.

ГРУШЕНЬКА. А и убирайся откуда приехал! Велю тебя сейчас прогнать, и прогонят! Дура, дура была я, что пять лет себя мучила! Да и не он это вовсе! Это отец его какой-то! Это где ты парик-то себе заказал? Тот был сокол, а этот селезень. А я-то дура, низкая и бесстыжая!

2-ой ПАН. То есть содом! Хозяин, прогони бесстыжих!

МАКСИМОВ. Ты чего кричишь, глотку рвёшь?

2-ой ПАН. Скотина!

МАКСИМОВ. Скотина? А ты в какие карты сейчас играл? Я подал тебе колоду, а ты мои спрятал! Ты в поддельные карты играл! Я тебя за поддельные карты в Сибирь могу упрятать. Вот она, моя колода, не распечатана...

МИТЯ. А я видел, как тот пан два раза передёрнул.

ГРУШЕНЬКА. Ах как стыдно, как стыдно! Господи, экой, экой стал человек!

2-ой ПАН. Публичная шельма! (МИТЯ хватает его и выносит).

МИТЯ. Я его там на пол положил! (1-ому ПАНУ). Ясновельможный, не угодно ли туда же? Пшепрашам!

МАКСИМОВ. Батюшка Дмитрий Фёдорович, да отбери ты у них деньги.

МИТЯ. Не хочу! Ни за что не отберу, пусть ему в утешенье останутся.

ГРУШЕНЬКА. Славно, Митя, молодец!

МАКСИМОВ. Заприте их на ключ!

ГРУШЕНЬКА. Славно, славно! Туда им и дорога!

Начинается пир на весь мир, почти оргия. Все танцуют, пьют, кричат, веселятся.

МИТЯ. Веришь теперь, что люблю?

ГРУШЕНЬКА. Верю, Митенька. И всегда верила, всегда знала. С первого момента, как увидела тебя, поняла – пропала моя гордость. (Он целует её).

МИТЯ. Королева моя, царица моя! Ничто теперь нас не разлучит! Завтра же свадьба! Завтра же! И весёлая, весь город позовём... Всех! Пусть видят, как Дмитрий Карамазов на Грушеньке своей жениться!

ГРУШЕНЬКА. А Катька...

МИТЯ. Нет больше Катьки! Нет, и не было никогда! Иван теперь пусть об ней мучается... Ты, только ты, на веки вечные! Вся моя!

ГРУШЕНЬКА. Вся твоя!

МИТЯ. Карамазовская! (Они целуются, обнимаются, предаются страсти).

Входит КАПИТАН ИСПРАВНИК, наступает гробовая тишина.

ИВАН. Остановите это! Остановите это! Вы что, не видите, что они губят себя! Ай, голова раскалывается. Вы что, не понимаете, не любовь это всё! Страстишки! Больные, идиотские страстишки! А ну уберите руки! Его же чёрт попутал! Нас всех чёрт попутал....

ИВАНУ становится плохо. Он падает, теряет сознание. ЧЁРТ наблюдает за этим.

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Господин отставной поручик Дмитрий Карамазов, я должен вам объявить, что вы обвиняетесь в убийстве отца вашего, Фёдора Павловича Карамазова. Извольте проследовать за мной...

МИТЯ. Не повинен! В этой крови не повинен! В крови отца моего не повинен... Хотел убить, но не повинен! Не я!

ГРУШЕНЬКА. Это я, я, окаянная, я виновата! Это из-за меня он убил! Это я его измучила и до того довела! Я и того старичка-покойничка измучила... Я виноватая, я первая, я главная, я виноватая!

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Да, ты виноватая! Неистовая, развратная! Ты главная преступница!

ГРУШЕНЬКА. Вместе судите нас!

МИТЯ. Груша, жизнь моя, кровь моя, святыня моя! Не верьте ей! Не виновата она ни в чём...

ГРУШЕНЬКУ уводят.

Сцена 12.

СЛЕДОВАТЕЛЬ, КАПИТАН ИСПРАВНИК и МИТЯ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, Дмитрий Фёдорович, вы видите: следствию многое уже известно. Я неспроста открыл перед вами все свидетельские показания, воссоздал, так сказать, историю... Прямо скажу, картинка получается не в вашу пользу. Всё как нарочно говорит, что вы убийца.

МИТЯ. Ну давайте, казните.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Нет, никто вас здесь казнить не собирается, Дмитрий Фёдорович. Что вы нас, за скифов каких-то держите. Будет суд, который и решит вашу участь. Во всех этих показаниях меня беспокоят некоторые пробелы, нестыковочки, маленькие, но, мне представляется, ой какие важные нестыковочки... Трещинки, которые не позволяют, наверное утверждать, кто есть убийца. Так что теперь, сударь, всё положительно зависит от вас.

МИТЯ. Хорошо, я готов!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Выпейте воды!

МИТЯ. Выпил, господа, выпил... но... что ж, господа, давайте, решайте мою судьбу!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, вы положительно утверждаете, что отца вашего, Фёдора Павловича, не убивали?

МИТЯ. Не убивал! Виновен в другой крови, в крови другого старика, но не отца моего. И оплакиваю! Убил, убил старика, убил и поверг... Страшное обвинение господа, точно по лбу огорошили!

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Вы напрасно беспокоитесь за старика слугу Григория Васильевича. Узнайте, что он жив, и не смотря на тяжкие побои, очнулся.

МИТЯ. Жив? Так он жив! Господи, благодарю тебя за величайшее чудо!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. От этого-то Григория мы и получили очень значительные показания на ваш счёт.

МИТЯ. Она здесь? Одну минуту, господа: я сбегая к ней.

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Позвольте! Сейчас никак нельзя!

МИТЯ. Господа, как жаль. Я хотел к ней на одно лишь мгновение... возвестить лишь, что смыта, исчезла эта кровь! И что я уже не убийца!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, мы пока запишем, что вы отвергаете обвинение радикально.

МИТЯ. Записывать? Что ж, записывайте. В убийстве отца – не виновен. Это дикая мысль! Это совершенно дикая мысль! Вы будете смеяться, господа, сами хохотать над вашими подозрениями!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы не поверите, как вы нас самих одобряете, Дмитрий Фёдорович, вашей этою готовностью сотрудничать. Итак, почему вам так вдруг понадобилась, и именно такая сумма, то есть в три тысячи рублей?

МИТЯ. Э, господа, не надо бы мелочей: как, когда и почему... И вся эта гамазня. Разучитесь вы, господа, этой казёнщине допроса. То есть сперва-де, видите ли, начинай с чего-нибудь мизерного, с ничтожного: как, дескать, встал, что съел, как плюну, и, «усыпив внимание преступника», вдруг накрывай его ошеломляющим вопросом: «Кого убил, кого обокрал?» Ха-ха! Вы мужиков усыпляйте подобными хитростями...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вполне последую вашим благоразумным советам. Но от вопроса моего, однако, не откажусь.

МИТЯ. Для чего деньги понадобились? Ну, для того, сего... Ну долг отдать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кому именно?

МИТЯ. Это положительно отказываюсь сказать, господа! (СЛЕДОВАТЕЛЬ даёт знак КАПИТАНУ ИСПРАВНИКУ, тот достаёт улику – медный пестик).

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Знаком вам этот предмет?

МИТЯ. Ах да! Как не знаком! Дайте как посмотреть... А чёрт, не надо!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы о нём забыли упомянуть?

МИТЯ. Из памяти вылетело.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Какую цель вы имели, вооружаясь таким орудием?

МИТЯ. Какую цель? Никакой цели! Вооружился и побежал!

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Зачем же, если без цели?

МИТЯ. (С досадой). Наплевать на пестик!

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Однако же-с?

МИТЯ. Ну, от собак схватил. Ну, темнота... Господа, с вами буквально нельзя говорить! Запиши сейчас... сейчас... «что схватил с собой пестик, чтобы бежать убить отца своего... Фёдора Павловича... ударом по голове!» Ну, довольны ли вы теперь, господа? Отвели душу?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мы слишком понимаем ваше раздражение и досаду...

МИТЯ. Реализм, господа, реализм действительной жизни! Я волк, а вы охотники, ну и травите волка.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы напрасно взяли такое сравнение... Ну-с, вы выхватили оружие и... и что произошло затем?

МИТЯ. Затем? А затем убил... хватил его в темя и раскроил ему череп. Ведь так по-вашему, так!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. По-нашему. Ну а по-вашему?

МИТЯ. По-моему, господа, по-моему вот как было: слёзы ли чьи, мать ли моя умолила бога, дух ли светлый облабызал меня в то мгновение – не знаю, но чёрт был побеждён. Я бросился от окна и побежал к забору... Отец испугался и в первый раз тут меня рассмотрел, вскрикнул и отскочил от окна – я это очень помню. А я через сад к забору... вот тут-то и настиг меня Григорий... Насмехаетесь?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему вы так заключаете?

МИТЯ. Ни одному слову не верите, вот почему! Поэма! В стихах! Можно поверить на слово молодцу! Ха-ха!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вы не заметили случайно: дверь во флигеле была отперта?

МИТЯ. Нет, была заперта. Ба, дверь, постойте! А разве вы нашли дверь отпертою?

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Отпертую.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И убийца вашего родителя несомненно вошёл в эту дверь. Это нам совершенно ясно. Убийство произошло в комнате, а не через окно.

МИТЯ. Да это же невозможно, господа! Я... я не входил...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто ж тогда? Смердяков?

МИТЯ. Опять поймали лисицу! Вы ведь так и думали, что я сейчас вскочу, уцеплюсь за вашу подсказку, закричу во всё горло: «Ай, это Смердяков, вот убийца!» Ошиблись, не закричу на Смердякова!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И даже не подозреваете его вовсе.

МИТЯ. А вы подозреваете?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Подозревали и его.

МИТЯ. Шутки в сторону. Давеча с самого начала только узнал от вас у меня сразу мелькнуло: «Смердяков!». Здесь я сидел за столом и кричал, что не повинен в крови, а сам всё думаю: «Смердяков!» Но не его это дело, господа!

КАПИТАН ИСПРАВНИК. А чьё тогда?

МИТЯ. Не знаю... но не Смердяков.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему так утверждаете?

МИТЯ. По убеждению. По впечатлению. Потому что Смердяков человек низжайшей природы и трус. Совокупление всех трусостей в мире... Да и за что ему убивать старика? Ведь он, может быть, сын его, побочный сын.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Теперь остался один вопросик: откуда вы взяли столько денег?

МИТЯ. Знаете, господа, ведь вы оба теперь трусите: а что как не скажет, откуда взял? Так и есть: не скажу, господа.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не можете ли по крайней мере объявить: какой величины была сумма в руках ваших?

МИТЯ. Не могу и этого объявить.

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Ну что ж, тогда мы вынуждены учинить самый подробны осмотр платья вашего и всего...

МИТЯ. Как? Раздеваться? Фу, чёрт! Да обыщите так! Нельзя ли так?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Нельзя, Дмитрий Фёдорович. Надо одежду снять.

МИТЯ. Ладно... (Раздевается, его одежду осматривают. Дают ему одеяло обернуться).

СЛЕДОВАТЕЛЬ. (Показывает ему конверт). Знаком вам этот предмет?

МИТЯ. Это... это отцовский, стало быть, конверт.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Он был пустой и валялся на полу, за ширмами. (Пауза).

МИТЯ. Господа, это Смердяков! Это он убил, он ограбил. Только он один знал, где спрятан у старика конверт.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но ведь и вы знали?

МИТЯ. Никогда не знал: я и не видел никогда его вовсе. Он убил, когда я убежал, а Григорий лежал без чувств.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А ваши деньги?

МИТЯ. Хорошо! Я открою вам откуда взял деньги... Эти деньги мои. Не мои то есть, а краденные, мною украденные... Их было полторы тысячи, и они были всё время со мной.

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Откуда вы их взяли?

МИТЯ. С шеи, господа, взял. Здесь они у меня были, на шее, зашиты в тряпку и висели уже давно, уже месяц.

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Ну у кого же вы их... присвоили?

МИТЯ. Вы хотели сказать «украли»? говорите теперь слова прямо. У Катерины Ивановной Верховцевой. Месяц назад она выдала мне три тысячи, чтобы отослать сестре. А я... схватил Грушеньку в Мокрое и прокутил здесь в два дня половину этих проклятых трёх тысяч. А полторы удержал на себе... Всё. На том и окончим. Я вам всё сказал. И так всё ясно... Где подписать?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Здесь...

Сцена 13.

СУД.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Правильно у меня в протоколе записано, господин Карамазов?

МИТЯ. Всё верно... Господа, вы добры, вы гуманны – могу я видеть её...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Без сомнения, но, одним словом, теперь уж нельзя не в присутствии...

МИТЯ. Хорошо! (Пускают ГРУШЕНЬКУ. ОНА глубоко кланяется МИТЕ.).

ГРУШЕНЬКА. Сказала тебе, что твоя, и буду твоя, пойду с тобой навек, куда бы не решились. Прощай, безвинно погубивший себя человек!

МИТЯ. Прости, Груша, за любовь мою, за то, что любовью моею и тебя сгубил! Прощайте, божьи люди!

СУДЬЯ. Все ли свидетели высказались?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Нет, не все. Я должна сообщить ещё одно показание. Немедленно! Вот бумага, письмо... Это письмо этого изверга! Вот этого, этого! (Указывает на МИТЮ). Это он убил отца, вы увидите сейчас. Он мне пишет, как он убьёт его!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Позвольте, когда же вы её получили?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Накануне самого преступления. Он меня тогда ненавидел, потому что сам сделал подлый поступок и пошёл за этой тварью... И потому ещё, что должен был мне эти три тысячи... Я когда их ему отдавала, я словно в глаза ему говорила: «Тебе надо деньги для измены мне с твоей тварью, так вот тебе эти деньги, я сама тебе их даю»...

МИТЯ. Правда, Катя! В глаза смотрел и понимал, что бесчестишь меня, и всё-таки взял твои деньги! Презирайте подлеца, презирайте все, заслужил!

СУДЬЯ. Подсудимый, ещё слово, и я вас велю вывезть!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Эти деньги его мучили. Он хотел мне их отдать, хотел, это правда... Вот он и убил отца, только деньги мне так и не отдал, а прокутил их с этой тварью... Но прочтите, прочтите внимательно, там есть одна фраза: «Убью, только бы уехал Иван». Значит, он заранее уж обдумал, как убьёт. Всё точь-в-точь, вся программа!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Признаёте ли это письмо?

МИТЯ. Моё, моё! За многое мы друг друга ненавидели, Катя, но клянусь, клянусь, я тебя и ненавидя любил, а ты меня – нет!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. О, как он меня презирал... Презирал всегда, с той самой минуты, когда я ему тогда в ноги за эти деньги поклонилась... Сколько раз я читала в глазах его: «Всё-таки ты сама тогда ко мне пришла»... О, это зверь! Я пробовала победить его моею любовью, любовью без конца, но он ничего, ничего не понял...

ГРУШЕНЬКА. Митя! Погубила тебя твоя змея! Вон она вам себя показала!

Суматоха. Пауза.

Сцена 14.

ИВАН. Что же это ты за мной увязался?

ЧЁРТ. Очень о вашем здоровье беспокоюсь, Иван Фёдорович.

ИВАН. С чего же это ты, морда, о моём здоровье печёшься?

ЧЁРТ. Очень вы мне симпатичны, Иван Фёдорович. Как говорил брат ваш, с умным человеком и поговорить любопытно.

ИВАН. Какой брат?

ЧЁРТ. К которому вы сейчас направляетесь. Только вы не беспокойтесь, я с вами заходить не буду. Да мне и не нужно, мы привыкли наблюдать со стороны, с безопасного, так сказать, расстояния.

ИВАН. Ну и стой здесь! Чёрт...

ИВАН приходит к СМЕРДЯКОВУ.

ИВАН. Жарко у тебя.

СМЕРДЯКОВ. Снимите-с.

ИВАН. Во-первых, одни ли мы?

СМЕРДЯКОВ. Никто ничего не услышит-с.

ИВАН. Слушай, голубчик: что ты такое тогда сморозил, когда я уходил от тебя из больницы, что если я промолчу о том, что ты мастер представляться в падучей, то и ты не объявишь всего следователю... Что это такое *всего*? Угрожал ты мне, что ли?

СМЕРДЯКОВ. А то я тогда и разумел, что вы знавши про наперёд про это убийство родного родителя вашего, в жертву его тогда оставили.

ИВАН. Как? Что? Да ты в уме али нет?

СМЕРДЯКОВ. Совершенно в полном своём уме-с.

ИВАН. Да разве я знал тогда про убийство? Говори, смердящая шельма!

СМЕРДЯКОВ. И даже сами очень желали тогда смерти родителя вашего. (ИВАН бьёт его). Стыдно, сударь, слабого человека бить. (Плачет).

ИВАН. Довольно! Перестань! Не выводи меня из последнего терпения. Так ты, подлец, подумал тогда, что я заодно с Дмитрием хочу отца убить?

СМЕРДЯКОВ. Мыслей ваших тогдашних не знал-с.

ИВАН. Это ты убил!

СМЕРДЯКОВ. Что не я убил, это вы знаете доподлинно. И думал я, что умному человеку и говорить о сем нечего.

ИВАН. А желал я на какой ляд?

СМЕРДЯКОВ. Как это так на какой ляд-с? А наследство-то-с? Ведь вам тогда на братьев по сорока тысяч могло прийтись. А женись Фёдор Павлович на Аграфене Александровне, так уж та весь капитал тот час бы на себя перевела. Вам бы с братьями и двух рублей не досталось бы...

ИВАН. Хорошо. Ты видишь, я не вскочил, не избил тебя, не убил тебя. Говори дальше...

СМЕРДЯКОВ. И на меня тоже в убийстве родителя ведь рассчитывали.

ИВАН. Подлец! Как ты понял!

СМЕРДЯКОВ. А всё через эту самую Чермашню-с! Помилосердствуйте! Собираетесь в Москву и на все просьбы родителя ехать в Чермашню отказались! И по одному только глупому моему слову вдруг согласились! Стало быть, чего-то от меня ожидали...

ИВАН. Да, жаль, что не отколотил тебя тогда по мордасам. Ух, жаль, не догадался: хоть и запрещены мордасы, а сделал бы я из твоей хари кашу.

СМЕРДЯКОВ. Чего вы беспокоитесь? Ничего вам не будет... Охота же умному человеку такую комедь из себя ломать. Ишь, руки трясутся. С чего у вас пальцы-то ходят? Идите домой, не вы убили!

ИВАН. Я знаю, что не я...

СМЕРДЯКОВ. Зна-е-те?

ИВАН. Говори всё, гадина! Говори всё!

СМЕРДЯКОВ. Ан вот вы-то и убили, коли так!

ИВАН. Ты сумасшедший.

СМЕРДЯКОВ. Не надоест же человеку! С глаза на глаз сидим, с чего бы кажется камедь играть? Али всё ещё свалить на одного меня хотите, мне же в глаза? Вы убили, вы главный убивец и есть. (Пауза). А я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил.

ИВАН. Знаешь что: я боюсь, что ты сон, что ты призрак предо мной сидишь...

СМЕРДЯКОВ. Никакого тут призрака нет-с. Кроме нас обоих-с, да ещё некоторого третьего.

ИВАН. Кто он? Кто третий? (Пауза).

СМЕРДЯКОВ. Третий этот – бог-с.

ИВАН. Сумасшедший!

СМЕРДЯКОВ. Вот-с! (Достаёт пакет).

ИВАН. Что?

СМЕРДЯКОВ. Извольте взглянуть-с. Пальцы-то у вас всё дрожат-с, в судороге. Все здесь, все три тысячи, хоть не считайте. Больны вы, я вижу-с, совсем больны-с. Жёлтые у вас совсем глаза-с.

ИВАН. Вместе пойдём! А не пойдёшь – всё равно я один сознаюсь.

СМЕРДЯКОВ. Ничего этого не будет-с. А деньги эти с собою возьмите-с и унесите.

ИВАН. Конечно, унесу! Но почему же ты мне отдаёшь, если из-за них убил?

СМЕРДЯКОВ. Полноте... нечего-с! Вы вот сами тогда всё говорили, что всё позволено, ибо коли бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно её тогда вовсе.

ИВАН. Ты не глуп. Я прежде думал, что ты глуп...

СМЕРДЯКОВ. От гордости вашей думали. Примите деньги-то-с.

ИВАН. Завтра из следователю покажу.

СМЕРДЯКОВ. Никто вам теперь не поверит-с, благо денег-то у вас и своих теперь довольноно.

ИВАН. Если не убил тебя, то единственно потому, что ты мне на завтра нужен, помни это, не забывай!

СМЕРДЯКОВ. А что ж, убейте-с. Убейте теперь. (Пауза). Не посмеете и этого-с. Ничего не посмеете, прежний смелый человек!

ИВАН уходит.

СМЕРДЯКОВ. И ты здесь?

ЧЁРТ. Что застыл, как столб. Сам понимаешь, что сейчас будет. Нет, по-другому нельзя. По-другому, трусливо будет, а ты же у нас смелый, Павлуша, ты у нас благородный. Ты ради братьев любимых отца убил.

СМЕРДЯКОВ. Ради них. Они мне в лицо плевали-с, а я только их благом-с пекся.

ЧЁРТ. Вот и пришло время доказать это, Павлуша... Всякая теория доказательство требует. А вы – Карамазовы, ох как любите всякие теорейки. Маленькие, большие, умные, глупые... Вот теперь все и придётся доказать, одним махом, одним разом... Не плачь, Павлуша. Все на твоей стороне... Ну, время пришло...

СМЕРДЯКОВ остаётся один. Вешается. Входит ДЕВКА.

ДЕВКА. Павел! Павлуша! Павлушенька! (Бросается к нему). Довели они тебя, убийцы... Изгрызли, отравили, насекомые! Оттого, что был лучше их. Оттого, что благородней... Оттого, что ихними деньгами проклятыми побрезговал... Здохните вы со всеми своими страстями! Будьте вы вовеки прокляты, Карамазовы!

Сцена 15.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Входит КАПИТАН ИСПРАВНИК.

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Там... Иван Фёдорович Карамазов. К вам... В очень странном, я бы сказал нездоровом состоянии. Он говорит, что пришёл к вам не один...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А с кем?

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Так ведь в том-то и штука, говорить не хочет, смеётся только...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вот собственно и развязка. Пригласите его...

Входит ИВАН.

ИВАН. Добрый день, хоть и не знаю что такое «добрый», а всё говорю!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы... может быть, ещё не так здоровы?

ИВАН. Не беспокойтесь, ваше превосходительство, я достаточно здоров и могу вам кое-что рассказать любопытное.

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Вы имеете предъявить какое-нибудь особое сообщение?

ИВАН. Нет... не имею. Не имею ничего особенного.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я вижу, вы нездоровы, и понимаю ваши чувства...

ИВАН. Отпустите меня, ваше превосходительство, я чувствую себя очень нездоровым. (Вдруг усмехается). Я, ваше превосходительство, как та крестьянская девка... знаете, как это: «Захоцу – вскоцу, захоцу – не вскоцу»... Это в какой-то нашей народности...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вы этим хотите сказать?

ИВАН. А вот... (Достаёт деньги). Вот деньги... те самые, которые лежали в том пакете. Из-за которых убили отца. Куда положить? Господин капитан, передайте...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Каким образом эти деньги могли очутиться у вас?

ИВАН. Получил от Смердякова, от убийцы, вчера. Был у него вчера... Убил отца он, а не брат. Он убил, а я его научил убить. Кто не желает смерти отца? (Смеётся).

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Вы в уме или нет?

ИВАН. То-то и есть, что в уме... и в подлом уме, в таком же, как и вы, как и все эти... р-рожи! Убили отца, а притворяются, что испугались. Друг пред другом кривляются. Лгуны! Все желают смерти отца. Один гад съест другую гадину... Не будь отцеубийства – все бы они рассердились и разошлись злые... Зрелищ! «Хлеба и зрелищ!» Впрочем, и я хорош! Есть у вас вода или нет, дайте напиться Христа ради!

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Вы посмотрите на него, он в белой горячке.

ИВАН. Успокойтесь, не помешенный, я только убийца! С убийцы нельзя же спрашивать красноречия...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Господин Карамазов, ваши слова непонятны и здесь невозможны. Успокойтесь, если можете, и расскажите...если и вправду имеете что сказать. Чем вы можете подтвердить ваше признание... если вы только не бредите?

ИВАН. То-то и есть, что не имею свидетелей. Только Смердяков...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да что же вы, не в курсе что ли? Смердяков-то повесился...

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Прямо за день до суда...

ИВАН. Повесился... Умная тварь. Да, теперь собака Смердяков с того света не пришлёт вам показание... в пакете. Вам бы всё пакетов, довольно и одного. Нет у меня свидетелей... Кроме только разве одного...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто ваш свидетель?

ИВАН. С хвостом, ваше превосходительство, не по форме будет! Le diable n'existe point! Не обращайтесь внимания, дрянной, мелкий чёрт. Он, наверное, здесь где-нибудь,

вот под этим столом с вещественными доказательствами, где ж ему сидеть, как не там? Ну освободите же изверга... он гимн запел, это потому что ему легко! Всё равно, что пьяная каналья загорланит, как «поехал Ванька в Питер», а я за две секунды радости отдал бы квадриллион квадриллионов! Не знаете вы меня! О, как это всё у вас глупо! Ну, берите же меня вместо него! Для чего же я пришёл... Отчего, отчего это всё, что ни есть, так глупо!.. (Падает в обморок).

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зовите врача... Вот и ещё с одним братом покончено. Что ж у них за семья такая, пока себя не потравят не остановятся...

КАПИТАН ИСПРАВНИК. Слава богу, старшего брата -- убийцу-то уже осудили. Так что всё...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. М-да... Всё-то, всё. Жаль только, что убийца не он.

Сцена 16.

АЛЁША и ЛИЗА.

ЛИЗА. Алексей Фёдорович! Как радостно, что вы всё-таки пришли, не смотря на все эти ужасные события. Как жалко Дмитрия Фёдоровича... Но ещё жальче Ивана Фёдоровича, говорят он совершенно сошёл с ума и даже видит чёрта...

АЛЁША. Ему очень плохо, это правда.

ЛИЗА. В каком безумном мире мы живём.

АЛЁША. Знаете, Лизе, мой старец сказал один раз: за людьми надо сплошь как за детьми ходить, а за иными как за больными...

ЛИЗА. Ах, Алексей Фёдорович, ах, голубчик, давайте за людьми как за больными ходить!

АЛЁША. Давайте...

ЛИЗА. Алексей Фёдорович, как я счастлива!

АЛЁША. Это хорошо, что вы так говорите.

ЛИЗА. Подойдите сюда, Алексей Фёдорович. Дайте вашу руку, вот так. Слушайте, я вам должна большое признание сделать: то письмо я вам не в шутку написала, а серьёзно...

АЛЁША. А я был совершенно уверен, что вы написали серьёзно.

ЛИЗА. Уверен, представьте себе!

АЛЁША. Я бы желал вам всегда нравится, Лизе, но не знаю, как это сделать.

ЛИЗА. Алёша, милый, вы холодны и дерзки. Видите ли-с. Он изволил меня выбрать в супруги и на том успокоился! Он был уже уверен, что я написала серьёзно, каково! Но ведь это дерзость – вот что!

АЛЁША. Да разве это худо, что я был уверен?

ЛИЗА. Ах, Алёша, напротив, ужасно, как хорошо. (АЛЁША целует её). Это что ещё? Что с вами?

АЛЁША. Простите, если не так...

ЛИЗА. Ну, Алёша, мы ещё подождём с поцелуями, потому что мы этого ещё оба не умеем. Скажите лучше, за что вы замуж берёте меня, такую дуру, больную дурочку, вы, такой умный, такой мыслящий?

АЛЁША. Я на днях выйду из монастыря совсем. Выйдя в свет, надо жениться. У вас душа веселее, чем у меня. Вы, главное, невиннее меня, а уж я до многого, до многого прикоснулся... Ведь и я Карамазов!

ЛИЗА. Алёша, дайте мне вашу руку, что вы её отнимаете. Послушайте, Алёша, во что вы оденетесь, когда выйдете из монастыря, в какой костюм? Не смейтесь, это очень для меня важно.

АЛЁША. Про костюм, Лизе, я ещё не думал. В какой хотите, в такой и оденусь.

ЛИЗА. Я хочу, чтобы у вас был тёмно-синий бархатный пиджак, белый пикейный жилет и пуховая, серая мягкая шляпа...

АЛЁША. Лизе, я теперь богатый человек, ты понимаешь? Теперь все – мое. Трактиры, питейные дома, земли, деньги... И мы можем распорядиться этим богатством вместе. Распорядится во благо! Как не смог мой отец, и как наверное, не смогли бы Иван и Митя. Но всё изменится. И о Карамазовых – другая молва пойдёт.

ЛИЗА. Алёша, я вас ужасно люблю. Посмотрите у дверей, не подслушивает ли мамаша?

АЛЁША. Хорошо, только, может, лучше не смотреть... Зачем подозревать в низости вашу мать?

ЛИЗА. Как низости? В какой низости? Это то, что она подслушивает за дочерью, так это её право... Будьте уверены, Алексей Фёдорович, когда я сама буду матерью и у меня будет такая же дочь, как я, то я непременно буду за ней подслушивать.

АЛЁША. Да, конечно, если так... Только это нехорошо.

ЛИЗА. Алёша, милый, не будем ссориться с первого раза. Алёша, а будете вы мне подчиняться?

АЛЁША. С большой охотой, Лизе, только не в самом главном. В самом главном, если вы будете со мной не согласны, то я всё-таки сделаю, по-своему. Потому как сразу говорю – не за простого человека замуж выходите. За Карамазова! И не залить, не потушить во мне эту волю. Тут «земляная карамазовская сила» -- земляная и неистовая. Даже носится ли дух божий вверху этой силы – и этого не знаю. Так что не гневите меня, Лиза. Ибо не дай вам бог видеть наш гнев, Карамазовский...

ЛИЗА. Я вам готова подчиниться. Алёша, поцелуйте меня, я позволяю. (АЛЁША целует, поднимает её на руки). Алёша, мы будем счастливы! Будем мы счастливы, будем?

АЛЁША. Кажется, будем, Лизе.

Сцена 17

Дети начинают играть в лапту. Постепенно выходят взрослые и тоже присоединяются к игре.

ФЁДОР ПАВЛОВИЧ. Я бы всё-таки эту всю мистику упрозднил... Правда я в бога верую. Вру. В последнее время усомнился... Сыновья у меня хорошие, все в меня, только вот убить меня хотят...

ЗОСИМА. Господь всех рассудит, и правых и виноватых. А может нет таковых и вовсе. Нет ни правых, ни виноватых... А всё люди по гордости своей придумали, по недоразумению.

СМЕРДЯКОВ. Они уж очень себя превозносили-с. Карамазовы-с. Очень надменные-с были. Потому что испугались, что я на их денежки претендовать буду-с. А я их всех выше-с оказался. За столом прислуживал-с и отцу и братьям-с, а сам – выше!

ГРИГОРИЙ. Вот этими руками я их в корыте подмывал. Азбуке учил... А они меня пестом оловянным по лбу. Ну куда это годится? А что сделаешь – дети! Дети...

ИВАН. С этим обществом покончено, потому что состоит оно из одного мяса и насекомых, лишённых разума и всякого здравого смысла. Оттого и путаница, и преступления, и религия.

МИТЯ. Грушенька, жена моя, любовь моя, не оставляй меня. Ради тебя всё, и жизнь, и грехи мои – все к твоим ногам. Потому как нет на земле ничего сильнее любви, все в её пламени и погорим.

ЧЁРТ. Идёт война света и тьмы, а поле битвы – души людей... Поле битвы – души людей...

Конец.

3.03.2005